

АНТОН ПАВЛОВИЧ

ЧЕХОВ

ОСТРОВ САХАЛИН

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

р у с с к а я к л а с с и к а

Эксклюзив: Русская классика

АНТОН ЧЕХОВ
Остров Сахалин

«Издательство АСТ»

1890, 1895

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

Чехов А. П.

Остров Сахалин / А. П. Чехов — «Издательство АСТ», 1890,
1895 — (Эксклюзив: Русская классика)

ISBN 978-5-17-154245-0

«Остров Сахалин», вышедший в 1895 году, был сразу назван талантливой и серьезной книгой; это рассказ очевидца не только о каторжных работах, кандалах, карцерах, побегах и виселице, это, что главнее, взгляд думающего человека на каторгу в целом. В центре внимания Чехова-исследователя, Чехова-художника – проблема личности каторжника, простого, несчастного человека. Также в книгу вошли девять очерков, объединенных общим авторским названием «Из Сибири». В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-17-154245-0

© Чехов А. П., 1890, 1895
© Издательство АСТ, 1890, 1895

Содержание

Остров Сахалин	6
I	6
II	13
III	20
IV	25
V	31
VI	38
VII	41
VIII	49
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Антон Чехов

Остров Сахалин

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Остров Сахалин

(Из путевых записок)

I

Г. Николаевск-на-Амуре. – Пароход «Байкал». – Мыс Пронге и вход в Лиман. – Сахалин полуостров. – Лаперуз, Браутон, Крузенигер и Невельской. – Японские исследователи. – Мыс Джаоре. – Татарский берег. – Де-Кастри

5 июля 1890 г. я прибыл на пароходе в г. Николаевск, один из самых восточных пунктов нашего отечества. Амур здесь очень широк, до моря осталось только 27 верст; место величественное и красивое, но воспоминания о прошлом этого края, рассказы спутников о лютой зиме и о не менее лютых местных нравах, близость каторги и самый вид заброшенного, вымирающего города совершенно отнимают охоту любоваться пейзажем.

Николаевск был основан не так давно, в 1850 г., известным Геннадием Невельским, и это едва ли не единственное светлое место в истории города. В пятидесятые и шестидесятые годы, когда по Амуру, не щадя солдат, арестантов и переселенцев, насаждали культуру, в Николаевске имели свое пребывание чиновники, управлявшие краем, наезжало сюда много всяких русских и иностранных авантюристов, селились поселенцы, прельщаемые необычайным изобилием рыбы и зверя, и, по-видимому, город не был чужд человеческих интересов, так как был даже случай, что один заезжий ученый нашел нужным и возможным прочесть здесь в клубе публичную лекцию. Теперь же почти половина домов покинута своими хозяевами, полуразрушена, и темные окна без рам глядят на вас, как глазные впадины черепа. Обыватели ведут сонную, пьяную жизнь и вообще живут впроголодь, чем бог послал. Пробавляются поставками рыбы на Сахалин, золотым хищничеством, эксплуатацией инородцев, продажей пантов, то есть оленьих рогов, из которых китайцы готовят возбудительные пилюли. На пути от Хабаровки до Николаевска мне приходилось встречать немало контрабандистов; здесь они не скрывают своей профессии. Один из них, показывавший мне золотой песок и пару пантов, сказал мне с гордостью: «И мой отец был контрабандист!» Эксплуатация инородцев, кроме обычного спаивания, одурачения и т. п., выражается иногда в оригинальной форме. Так, николаевский купец Иванов, ныне покойный, каждое лето ездил на Сахалин и брал там с гиляков дань, а неисправных плательщиков истязал и вешал.

Гостиницы в городе нет. В общественном собрании мне позволили отдохнуть после обеда в зале с низким потолком – тут зимою, говорят, даются балы; на вопрос же мой, где я могу переночевать, только пожали плечами. Делать нечего, пришлось две ночи провести на пароходе; когда же он ушел назад в Хабаровку, я очутился как рак на мели: камо пойду? Багаж мой на пристани; я хожу по берегу и не знаю, что с собой делать. Как раз против города, в двух-трех верстах от берега, стоит пароход «Байкал», на котором я пойду в Татарский пролив, но говорят, что он отойдет дня через четыре или пять, не раньше, хотя на его мачте уже развевается отходный флаг. Разве взять и поехать на «Байкал»? Но неловко: пожалуй, не пустят, – скажут, рано. Подул ветер, Амур нахмурился и заволновался, как море. Становится тоскливо. Иду в собрание, долго обедаю там и слушаю, как за соседним столом говорят о золоте, о пантах, о фокуснике, приехавшем в Николаевск, о каком-то японце, дергающем зубы не щипцами, а просто пальцами. Если внимательно и долго прислушиваться, то, боже мой, как далека здешняя жизнь от России! Начиная с балыка из кеты, которым закусывают здесь водку, и кончая разговорами, во всем чувствуется что-то свое собственное, не русское. Пока я плыл по Амуру, у меня было такое чувство, как будто я не в России, а где-то в Патагонии или Техасе; не говоря

уже об оригинальной, не русской природе, мне все время казалось, что склад нашей русской жизни совершенно чужд коренным амурцам, что Пушкин и Гоголь тут непонятны и потому не нужны, наша история скучна и мы, приезжие из России, кажемся иностранцами. В отношении религиозном и политическом я замечал здесь полнейшее равнодушие. Священники, которых я видел на Амуре, едят в пост скоромное, и, между прочим, про одного из них, в белом шелковом кафтане, мне рассказывали, что он занимается золотым хищничеством, соперничая со своими духовными чадами. Если хотите заставить амурца скучать и зевать, то заговорите с ним о политике, о русском правительстве, о русском искусстве. И нравственность здесь какая-то особенная, не наша. Рыцарское обращение с женщиной возводится почти в культ и в то же время не считается предосудительным уступить за деньги приятелю свою жену; или вот еще лучше: с одной стороны, отсутствие сословных предрассудков – здесь и с ссыльным держат себя, как с ровней, а с другой – не грех подстрелить в лесу китайца-бродягу, как собаку, или даже поохотиться тайком на горбачиков.

Но буду продолжать о себе. Не найдя приюта, я под вечер решил отправиться на «Байкал». Но тут новая беда: развело порядочную зыбь, и лодочники-гиляки не соглашались везти ни за какие деньги. Опять я хожу по берегу и не знаю, что с собой делать. Между тем уже заходит солнце, и волны на Амуре темнеют. На этом и на том берегу неистово воют гиляцкие собаки. И зачем я сюда поехал? – спрашиваю я себя, и мое путешествие представляется мне крайне легкомысленным. И мысль, что каторга уже близка, что через несколько дней я высажусь на сахалинскую почву, не имея с собой ни одного рекомендательного письма, что меня могут попросить уехать обратно, – эта мысль неприятно волнует меня. Но вот наконец два гиляка соглашаются везти меня за рубль, и на лодке, сбитой из трех досок, я благополучно достигаю «Байкала».

Это пароход морского типа средней величины, купец, показавшийся мне после байкальских и амурских пароходов довольно сносным. Он совершает рейсы между Николаевском, Владивостоком и японскими портами, возит почту, солдат, арестантов, пассажиров и грузы, главным образом казенные; по контракту, заключенному с казной, которая платит ему солидную субсидию, он обязан несколько раз в течение лета заходить на Сахалин: в Александровский пост и в южный Корсаковский. Тариф очень высокий, какого, вероятно, нет нигде в свете. Колонизация, которая прежде всего требует свободы и легкости передвижения, и высокие тарифы – это уж совсем непонятно. Кают-компания и каюты на «Байкале» тесны, но чисты и обставлены вполне по-европейски; есть пианино. Прислуга тут – китайцы с длинными косами, их называют по-английски – бой. Повар тоже китаец, но кухня у него русская, хотя все кушанья бывают горьки от пряного кери и пахнут какими-то духами, вроде корилопсиса.

Начитавшись о бурях и льдах Татарского пролива, я ожидал встретить на «Байкале» китобоев с хриплыми голосами, брызгающих при разговоре табачною жвачкой, в действительности же нашел людей вполне интеллигентных. Командир парохода г. Л., уроженец западного края, плавает в северных морях уже более 30 лет и прошел их вдоль и поперек. На своем веку он видел много чудес, много знает и рассказывает интересно. Покружив полжизни около Камчатки и Курильских островов, он, пожалуй, с большим правом, чем Отелло, мог бы говорить о «бесплоднейших пустынях, страшных безднах, утесах неприступных». Я обязан ему многими сведениями, пригодившимися мне для этих записок. У него три помощника: г. Б., племянник известного астронома Б., и два шведа – Иван Мартыныч и Иван Вениаминыч, добрые и приветливые люди.

8 июля, перед обедом, «Байкал» снялся с якоря. С нами шли сотни три солдат под командой офицера и несколько арестантов. Одного арестанта сопровождала пятилетняя девочка, его дочь, которая, когда он поднимался по трапу, держалась за его кандалы. Была, между прочим, одна каторжная, обращавшая на себя внимание тем, что за нею добровольно следовал

на каторгу ее муж¹. Кроме меня и офицера, было еще несколько классных пассажиров обоего пола и, между прочим, даже одна баронесса. Читатель пусть не удивляется такому изобилию интеллигентных людей здесь, в пустыне. По Амуру и в Приморской области интеллигенция при небольшом вообще населении составляет немалый процент, и ее здесь относительно больше, чем в любой русской губернии. На Амуре есть город, где одних лишь генералов, военных и штатских, насчитывают 16. Теперь их там, быть может, еще больше.

День был тихий и ясный. На палубе жарко, в каютах душно; в воде + 18°. Такую погоду хоть Черному морю впору. На правом берегу горел лес; сплошная зеленая масса выбрасывала из себя багровое пламя; клубы дыма слились в длинную, черную, неподвижную полосу, которая висит над лесом... Пожар громадный, но кругом тишина и спокойствие, никому нет дела до того, что гибнут леса. Очевидно, зеленое богатство принадлежит здесь одному только Богу.

После обеда, часов в шесть, мы уже были у мыса Пронге. Тут кончается Азия, и можно было бы сказать, что в этом месте Амур впадает в Великий океан, если бы поперек не стоял о. Сахалин. Перед глазами широко расстилается Лиман, впереди чуть видна туманная полоса – это каторжный остров; налево, теряясь в собственных извилинах, исчезает во мгле берег, уходящий в неведомый север. Кажется, что тут конец света и что дальше уже некуда плыть. Душой овладевает чувство, какое, вероятно, испытывал Одиссей, когда плавал по незнакомому морю и смутно предчувствовал встречи с необыкновенными существами. И в самом деле, справа, при самом повороте в Лиман, где на отмели приютилась гиляцкая деревушка, на двух лодках несутся к нам какие-то странные существа, вопят на непонятном языке и чем-то машут. Трудно понять, что у них в руках, но когда они подплывают поближе, я различаю серых птиц.

– Это они хотят продать нам битых гусей, – объясняет кто-то.

Поворачиваем направо. На всем нашем пути поставлены знаки, показывающие фарватер. Командир не сходит с мостика, и механик не выходит из машины; «Байкал» начинает идти все тише и тише и идет точно ощупью. Осторожность нужна большая, так как здесь нетрудно сесть на мель. Пароход сидит 12¹/₂, местами же ему приходится идти 14 фут., и был даже момент, когда нам послышалось, как он прополз килем по песку. Вот этот-то мелкий фарватер и особенная картина, какую дают вместе Татарский и Сахалинский берега, послужила главной причиной тому, что Сахалин долго считали в Европе полуостровом. В 1787 г., в июне, известный французский мореплаватель, граф Лаперуз, высадился на западном берегу Сахалина, выше 48°, и говорил тут с туземцами. Судя по описанию, которое он оставил, на берегу застал он не одних только живших здесь айно, но и приехавших к ним торговать гиляков, людей бывалых, хорошо знакомых и с Сахалином и с Татарским берегом. Чертя на песке, они объяснили ему, что земля, на которой они живут, есть остров и что остров этот отделяется от материка и Иессо (Японии) проливами². Затем, плывя дальше на север вдоль западного берега, он рассчитывал, что найдет выход из Северо-Японского моря в Охотское и тем значительно сократит свой путь в Камчатку; но чем выше подвигался он, тем пролив становился все мельче и мельче. Глубина уменьшалась через каждую милю на одну сажень. Плыл он к северу до тех пор, пока ему позволяли размеры его корабля, и, дойдя до глубины 9 сажен, остановился. Постепенное равномерное повышение дна и то, что в проливе течение было почти незаметно, привели его к убеждению, что он находится не в проливе, а в заливе и что, стало быть, Сахалин соединен с

¹ На амурских пароходах и «Байкале» арестанты помещаются на палубе вместе с пассажирами III класса. Однажды, выйдя на рассвете прогуляться на бак, я увидел, как солдаты, женщины, дети, два китайца и арестанты в кандалах крепко спали, прижавшись друг к другу; их покрывала роса, и было прохладно. Конвойный стоял среди этой кучи тел, держась обеими руками за ружье, и тоже спал.

² Лаперуз пишет, что свой остров они называли Чоко, но, вероятно, название это гиляки относили к чему-нибудь другому, и он их не понял. На карте нашего Крашенинникова (1752 г.) на западном берегу Сахалина показана река Чуха. Не имеет ли эта Чуха чего-нибудь общего с Чоко? Кстати сказать, Лаперуз пишет, что, рисуя остров и называя его Чоко, гиляк нарисовал и речку. Чоко переводится словом «мы».

материком перешейком. В де-Кастри у него еще раз происходило совещание с гиляками. Когда он начертил им на бумаге остров, отделенный от материка, то один из них взял у него карандаш и, проведя через пролив черту, пояснил, что через этот перешеек гилякам приходится иногда перетаскивать свои лодки и что на нем даже растет трава, – так понял Лаперуз. Это еще крепче убедило его, что Сахалин – полуостров³.

Девятью годами позже его в Татарском проливе был англичанин В. Браунтон (Broughton). Судно у него было небольшое, сидевшее в воде не глубже 9 фут., так что ему удалось пройти несколько выше Лаперуза. Остановившись на глубине двух сажен, он послал к северу для промера своего помощника; этот на пути своем встречал среди мелей глубины, но они постепенно уменьшались и приводили его то к сахалинскому берегу, то к низменным песчаным берегам другой стороны, и при этом получалась такая картина, как будто оба берега сливались; казалось, залив оканчивался здесь и никакого прохода не было. Таким образом, и Браунтон должен был заключить то же самое, что Лаперуз.

Наш знаменитый Крузенштерн, исследовавший берега острова в 1805 г., впал в ту же ошибку. Плыл он к Сахалину уже с предвзятою мыслью, так как пользовался картою Лаперуза. Он прошел вдоль восточного берега и, обогнув северные мысы Сахалина, вступил в самый пролив, держась направления с севера на юг, и, казалось, был уже совсем близок к разрешению загадки, но постепенное уменьшение глубины до 3¹/₂ сажен, удельный вес воды, а главное, предвзятая мысль заставили и его признать существование перешейка, которого он не видел. Но его все-таки точил червь сомнения. «Весьма вероятно, – пишет он, – что Сахалин был некогда, а может быть, еще в недавние времена, островом». Возвращался он назад, по-видимому, с беспокойною душой: когда в Китае впервые попались ему на глаза записки Браунтона, то он «обрадовался немало»⁴.

Ошибка была исправлена в 1849 году Невельским. Авторитет его предшественников, однако, был еще так велик, что когда он донес о своих открытиях в Петербург, то ему не поверили, сочли его поступок дерзким и подлежащим наказанию и «заключили» его разжаловать, и неизвестно, к чему бы это повело, если бы не заступничество самого государя, который нашел его поступок молодецким, благородным и патриотическим⁵. Это был энергический, горячего темперамента человек, образованный, самоотверженный, гуманный, до мозга костей проникнутый идеей и преданный ей фанатически, чистый нравственно. Один из знавших его пишет: «Более честного человека мне не случалось встречать». На восточном побережье и на Сахалине он сделал себе блестящую карьеру в какие-нибудь пять лет, но потерял дочь, которая умерла от голода, состарился, состарилась и потеряла здоровье его жена, «молоденькая, хорошенькая и приветливая женщина», переносившая все лишения геройски⁶.

³ Тут кстати привести одно наблюдение Невельского: туземцы проводят обыкновенно между берегами черту для того, чтобы показать, что от берега к берегу можно проплыть на лодке, то есть что существует между берегами пролив.

⁴ То обстоятельство, что трое серьезных исследователей, точно сговорившись, повторили одну и ту же ошибку, говорит уже само за себя. Если они не открыли входа в Амур, то потому, что имели в своем распоряжении самые скудные средства для исследования, а главное, – как гениальные люди, подозревали и почти угадывали другую правду и должны были считаться с ней. Что перешеек и полуостров Сахалин – не мифы, а существовали когда-то на самом деле, в настоящее время уже доказано. Обстоятельная история исследования Сахалина имеется в книге А. М. Никольского «Остров Сахалин и его фауна позвоночных животных». В этой же книге можно найти и довольно подробный указатель литературы, относящейся к Сахалину.

⁵ Подробности в его книге: «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849–1855 гг.».

⁶ Жена Невельского, Екатерина Ивановна, когда ехала из России к мужу, сделала верхом 1100 верст в 23 дня, будучи больною, по топким болотам и диким гористым тайгам и ледникам охотского тракта. Самый даровитый сподвижник Невельского, Н. К. Бошняк, открывший Императорскую гавань, когда ему было еще только 20 лет, «мечтатель и дитя», – так называет его один из сослуживцев, – рассказывает в своих записках: «На транспорте «Байкал» мы все вместе перешли в Аян и там пересели на слабый барк «Шелехов». Когда барк стал тонуть, никто не мог уговорить г-жу Невельскую первую съехать на берег. «Командир и офицеры съезжают последними, – говорила она, – и я съеду с барка тогда, когда ни одной женщины и ребенка не останется на судне». Так она и поступила. Между тем барк уже лежал на боку...» Далее Бошняк пишет, что, часто находясь в обществе г-жи Невельской, он с товарищами не слышал ни одной жалобы или упрека, – напротив, всегда

Чтобы покончить с вопросом о перешейке и полуострове, считаю не лишним сообщить еще некоторые подробности. В 1710 г. пекинскими миссионерами, по поручению китайского императора, была начертана карта Татарии; при составлении ее миссионеры пользовались японскими картами, и это очевидно, так как в то время о проходимости Лаперузова и Татарского проливов могло быть известно только японцам. Она была прислана во Францию и стала известною, потому что вошла в атлас географа д'Анвилля⁷. Эта карта послужила поводом к небольшому недоразумению, которому Сахалин обязан своим названием. У западного берега Сахалина, как раз против устья Амура, на карте есть надпись, сделанная миссионерами: «Saghalien-angahata», что по-монгольски значит «скалы черной реки». Это название относилось, вероятно, к какому-либо утесу или мысу у устья Амура, во Франции же поняли иначе и отнесли к самому острову. Отсюда и название Сахалин, удержанное Крузенштерном и для русских карт. У японцев Сахалин называли Карафто или Карафту, что значит китайский остров.

Работы японцев попадали в Европу или слишком поздно, когда в них уже не нуждались, или же подвергались неудачным поправкам. На карте миссионеров Сахалин имел вид острова, но д'Анвилль отнесся к ней с недоверием и положил между островом и материком перешеек. Японцы первые стали исследовать Сахалин, начиная с 1613 г., но в Европе придавали этому так мало значения, что когда впоследствии русские и японцы решали вопрос о том, кому принадлежит Сахалин, то о праве первого исследования говорили и писали только одни русские⁸.

Давно уже на очереди новое, возможно тщательное исследование берегов Татарии и Сахалина. Теперешние карты неудовлетворительны, что видно хотя бы из того, что суда, военные и коммерческие, часто садятся на мель и на камни, гораздо чаще, чем об этом пишут в газетах. Благодаря, главным образом, плохим картам командиры судов здесь очень осторожны, мнительны и нервны. Командир «Байкала» не доверяет официальной карте и смотрит в свою собственную, которую сам чертит и исправляет во время плавания.

Чтобы не сесть на мель, г. Л. не решился плыть ночью, и мы после захода солнца бросили якорь у мыса Джаоре. На самом мысу, на горе, стоит одиноко избушка, в которой живет морской офицер г. Б., ставящий знаки на фарватере и имеющий надзор за ними, а за избушкой непроходимая дремучая тайга. Командир послал г. Б. свежего мяса; я воспользовался этим случаем и поплыл на шлюпке к берегу. Вместо пристани куча больших скользких камней, по которым пришлось прыгать, а на гору к избе ведет ряд ступеней из бревнышек, врытых в землю почти отвесно, так что, поднимаясь, надо крепко держаться руками. Но какой ужас! Пока я взбирался на гору и подходил к избе, меня окружали тучи комаров, буквально тучи, было темно от них, лицо и руки мои жгло, и не было возможности защищаться. Я думаю, что если здесь остаться ночевать под открытым небом, не окружив себя кострами, то можно погибнуть или, по меньшей мере, сойти с ума.

замечалось в ней спокойное и гордое сознание того горького, но высокого положения, которое предназначило ей Провидение. Она проводила зиму обыкновенно одна, так как мужчины были в командировках, в комнатах с 5° тепла. Когда в 1852 г. из Камчатки не пришли суда с провиантом, то все находились в более чем отчаянном положении. Для грудных детей не было молока, больным не было свежей пищи, и несколько человек умерло от цинги. Невельская отдала свою единственную корову во всеобщее распоряжение; все, что было свежего, поступало в общую пользу. Обращалась она с туземцами просто и с таким вниманием, что это замечалось даже неотесанными дикарями. А ей было тогда только 19 лет (Лейт. Бошняк. Экспедиция в Приамурском крае. — «Морской сборник», 1859, II). Об ее трогательном обращении с гиляками упоминает и ее муж в своих записках. «Екатерина Ивановна, — пишет он, — усаживала их (гиляков) в кружок на пол, около большой чашки с кашей или чаем, в единственной бывшей во флигеле у нас комнате, служившей и залом, и гостиной, и столовой. Они, наслаждаясь подобным угощением, весьма часто трепали хозяйку по плечу, посылая ее то за тамчи (табак), то за чаем».

⁷ «Nouvel Atlas de la Chine, de la Tartaire, Chinoise et de Thibet». 1737.

⁸ Японец, землемер Мамина Ринзо, в 1808 г. путешествуя в лодке вдоль западного берега, побывал на Татарском берегу у самого устья Амура и не раз плавал с острова на материк и обратно. Он первый доказал, что Сахалин остров. Наш натуралист Ф. Шмидт отзывался с большою похвалой об его карте, находя, что она «особенно замечательна, так как, очевидно, основана на самостоятельных съемках».

Изба разделяется сенями на две половины: налево живут матросы, направо – офицер с семьей. Хозяина дома не было. Я застал изящно одетую, интеллигентную даму, его жену, и двух дочерей, маленьких девочек, искусанных комарами. В комнатах все стены покрыты еловой зеленью, окна затянуты марлей, пахнет дымом, но комары, несмотря ни на что, все-таки есть и жалят бедных девочек. В комнате обстановка не богатая, лагерная, но в убранстве чувствуется что-то милое, вкусное. На стене висят этюды и, между прочим, женская головка, набросанная карандашом. Оказывается, что г. Б. – художник.

– Хорошо ли вам тут живется? – спрашиваю я даму.

– Хорошо, да вот только комары.

Свежему мясу она не обрадовалась; по ее словам, она и дети давно уже привыкли к солонине и свежего мяса не любят.

– Впрочем, вчера варили форелей, – добавила она.

Провожал меня до шлюпки угрюмый матрос, который, как будто догадавшись, о чем мне хочется спросить его, вздохнул и сказал:

– По доброй воле сюда не заедешь!

На другой день рано утром пошли дальше при совершенно тихой и теплой погоде. Татарский берег горист и изобилует пиками, то есть острыми, коническими вершинами. Он слегка подернут синеватою мглой: это дым от далеких лесных пожаров, который здесь, как говорят, бывает иногда так густ, что становится опасен для моряков не меньше, чем туман. Если бы птица полетела напрямик с моря через горы, то, наверное, не встретила бы ни одного жилья, ни одной живой души на расстоянии пятисот верст и больше... Берег весело зеленеет на солнце и, по-видимому, прекрасно обходится без человека. В шесть часов были в самом узком месте пролива, между мысами Погоби и Лазарева, и очень близко видели оба берега, в восемь проходили мимо Шапки Невельского – так называется гора с бугром на вершине, похожим на шапку. Утро было яркое, блестящее, и наслаждение, которое я испытывал, усиливалось еще от гордого сознания, что я вижу эти берега.

Во втором часу вошли в бухту де-Кастри. Это единственное место, где могут во время бури укрываться суда, плавающие по проливу, и не будь ее, судоходство у сахалинских берегов, которые сплошь негостеприимны, было бы невыносимо⁹. Даже есть такое выражение: «удирать в де-Кастри». Бухта прекрасная и устроена природой точно по заказу. Это круглый пруд, версты три в диаметре, с высокими берегами, защищающими от ветров, с нешироким выходом в море. Если судить по наружному виду, то бухта идеальная, но, увы! – это только кажется так; семь месяцев в году она бывает покрыта льдом, мало защищена от восточного ветра и так мелка, что пароходы бросают якорь в двух верстах от берега. Выход в море сторожат три острова, или, вернее, рифа, придающие бухте своеобразную красоту; один из них назван Устричным: очень крупные и жирные устрицы водятся на его подводной части.

На берегу несколько домиков и церковь. Это Александровский пост. Тут живут начальник поста, его делопроизводитель и телеграфисты. Один местный чиновник, приезжавший к нам на пароход обедать, скучный и скучающий господин, много говорил за обедом, много пил и рассказал нам старый анекдот про гусей, которые, наевшись ягод из-под наливки и опьяневши, были приняты за мертвых, ощипаны и выброшены вон и потом, проспавшись, голые вернулись домой; при этом чиновник побожился, что история с гусями происходила в де-Кастри в его собственном дворе. Священника при церкви нет, и он, когда нужно, приезжает из Мариинска. Хорошая погода бывает здесь очень редко, так же как в Николаевске. Говорят, что весной этого года здесь работала промерная экспедиция и во весь май было только три солнечных дня. Извольте работать без солнца!

---

⁹ О назначении этой бухты в настоящем и будущем см. К. Скальковского «Русская торговля в Тихом океане», стр. 75.

На рейде мы застали военные суда «Бобр» и «Тунгус» и две миноноски. Вспоминается и еще одна подробность: едва мы бросили якорь, как потемнело небо, собралась гроза и вода приняла необыкновенный, ярко-зеленый цвет. «Байкалу» предстояло выгрузить четыре тысячи пудов казенного груза, и потому остались в де-Кастри ночевать. Чтобы скоротать время, я и механик удили с палубы рыбу, и нам попадались очень крупные, толстоголовые бычки, каких мне не приходилось ловить ни в Черном, ни в Азовском море. Попадались и камбала.

Выгружают здесь пароходы всегда томительно долго, с раздражением и порчей крови. Впрочем, это горькая участь всех наших восточных портов. В де-Кастри выгружают на небольшие баржи-шаланды, которые могут приставать к берегу только во время прилива и потому нагруженные часто садятся на мель; случается, что благодаря этому пароход простаивает из-за какой-нибудь сотни мешков муки весь промежуток времени между отливом и приливом. В Николаевске беспорядков еще больше. Там, стоя на палубе «Байкала», я видел, как буксирный пароход, тащивший большую баржу с двумя сотнями солдат, утеряти свой буксирный канат; баржу понесло течением по рейду, и она пошла прямо на якорную цепь парусного судна, стоявшего недалеко от нас. Мы с замиранием сердца ждали, что вот еще один момент и баржа будет перерезана цепью, но, к счастью, добрые люди вовремя перехватили канат, и солдаты отделались одним только испугом.

II

Краткая география. – Прибытие в Северный Сахалин. – Пожар. – Пристань. – В Слободке. – Обед у г. Л. – Знакомства. – Ген. Кононович. – Приезд генерал-губернатора. – Обед и иллюминация

Сахалин лежит в Охотском море, загораживая собою от океана почти тысячу верст восточного берега Сибири и вход в устье Амура. Он имеет форму, удлинённую с севера на юг, и фигурую, по мнению одного из авторов, напоминает стерлядь. Географическое положение его определяется так: от 45°54' до 54°53' с. ш. и от 141°40' до 144°53' в. д. Северная часть Сахалина, через которую проходит линия вечно промерзлой почвы, по своему положению соответствует Рязанской губ(ернии), а южная – Крыму. Длина острова 900 верст; наибольшая его ширина равняется 125 и наименьшая 25 верстам. Он вдвое больше Греции и в полтора раза больше Дании.

Прежнее деление его на северный, средний и южный неудобно в практическом отношении, и теперь делят только на северный и южный. Верхняя треть острова по своим климатическим и почвенным условиям совершенно непригодна для поселения и потому в счет не идет; средняя треть называется Северным Сахалином, а нижняя – Южным; строго определенной границы между двумя последними не существует. Ссылные в настоящее время живут в Северном, по реке Дуйке и по реке Тыми; Дуйка впадает в Татарский пролив, а Тымь – в Охотское море, и обе реки на карте встречаются своими верховьями. Живут также и по западному побережью, на небольшом пространстве вверх и вниз от устья Дуйки. В административном отношении Северный Сахалин делится на два округа: Александровский и Тымовский.

Переночевавши в де-Кастри, мы на другой день, 10 июля, в полдень пошли поперек Татарского пролива к устью Дуйки, где находится Александровский пост. Погода и в этот раз была тихая, ясная, какая здесь бывает очень редко. По совершенно гладкому морю, пуская вверх фонтаны, гуляли парочками киты, и это прекрасное, оригинальное зрелище развлекало нас на всем пути. Но настроение духа, признаюсь, было невеселое, и чем ближе к Сахалину, тем хуже. Я был непокоен. Офицер, сопровождавший солдат, узнав, зачем я еду на Сахалин, очень удивился и стал уверять меня, что я не имею никакого права подходить близко к каторге и колонии, так как я не состою на государственной службе. Конечно, я знал, что он не прав, но все же от слов его становилось мне жутко, и я боялся, что и на Сахалине, пожалуй, я встречу точно такой же взгляд.

Когда в девятом часу бросали якорь, на берегу в пяти местах большими кострами горела сахалинская тайга. Сквозь потемки и дым, стлавшийся по морю, я не видел пристани и построек и мог только разглядеть тусклые постовые огоньки, из которых два были красные. Страшная картина, грубо скроенная из потемок, силуэтов гор, дыма, пламени и огненных искр, казалась фантастическою. На левом плане горят чудовищные костры, выше них – горы, из-за гор поднимается высоко к небу багровое зарево от дальних пожаров; похоже, как будто горит весь Сахалин. Вправо темною тяжелою массой выдается в море мыс Жонкьер, похожий на крымский Аю-Даг; на вершине его ярко светится маяк, а внизу, в воде, между нами и берегом стоят три остроконечных рифа – «Три брата». И все в дыму, как в аду.

К пароходу подошел катер, таща за собою на буксире баржу. Это привезли каторжных для разгрузки парохода. Слышались татарский говор и брань.

– Не пускать их на пароход! – раздался крик с борта. – Не пускать! Они ночью весь пароход обокрадут!

– Тут в Александровске еще ничего, – сказал мне механик, заметив, какое тяжелое впечатление произвел на меня берег, – а вот вы увидите Дуэ! Там берег совсем отвесный, с тем-

ными ущельями и с угольными пластами... мрачный берег! Бывало, мы возили на «Байкале» в Дуэ по 200–300 каторжных, так я видел, как многие из них при взгляде на берег плакали.

– Не они, а мы тут каторжные, – сказал с раздражением командир. – Теперь здесь тихо, но посмотрели бы вы осенью: ветер, пурга, холод, волны валяют через борт, – хоть пропадай!

Я остался ночевать на пароходе. Рано утром, часов в пять, меня шумно разбудили: «Скоро, скорее! Катер в последний раз уходит к берегу! Сейчас снимаемся!» Через минуту я уже сидел в катере, а рядом со мной молодой чиновник с сердитым заспанным лицом. Катер засветел, и мы пошли к берегу, таща за собой две баржи с каторжными. Изморенные ночную работой и бессонницей, арестанты были вялы и угрюмы; все время молчали. Лица их были покрыты росой. Мне припоминается теперь несколько кавказцев с резкими чертами и в меховых шапках, надвинутых до бровей.

– Позвольте познакомиться, – сказал мне чиновник, – коллежский регистратор Д.

Это был мой первый сахалинский знакомый, поэт, автор обличительного стихотворения «Сахалино», которое начиналось так: «Скажи-ка, доктор, ведь недаром...» Потом он часто бывал у меня и гулял со мной по Александровску и его окрестностям, рассказывая мне анекдоты или без конца читая стихи собственного сочинения. В длинные зимние ночи он пишет либеральные повести, но при случае любит дать понять, что он коллежский регистратор и занимает должность X класса; когда одна баба, придя к нему по делу, назвала его господином Д., то он обиделся и сердито крикнул ей: «Я тебе не господин Д., а ваше благородие!» По пути к берегу я расспрашивал его насчет сахалинской жизни, как и что, а он зловеще вздыхал и говорил: «А вот вы увидите!» Солнце стояло уже высоко. То, что было вчера мрачно и темно и так пугало воображение, теперь утопало в блеске раннего утра; толстый, неуклюжий Жонкьер с маяком, «Три брата» и высокие крутые берега, которые видны на десятки верст по обе стороны, прозрачный туман на горах и дым от пожара давали при блеске солнца и моря картину недурную.

Гавани здесь нет, и берега опасны, о чем внушительно свидетельствует шведский пароход «Atlas», потерпевший крушение незадолго до моего приезда и лежащий теперь на берегу. Пароходы останавливаются обыкновенно в версте от берега и редко ближе. Пристань есть, но только для катеров и барж. Это большой, в несколько сажен сруб, выдающийся в море в виде буквы Т; толстые листовые сваи, крепко вбитые в дно морское, образуют ящики, которые доверху наполнены камнями; настилка из досок, по ней вдоль всей пристани проложены рельсы для вагонеток. На широком конце Т стоит хорошенький домик – контора пристани – и тут же высокая черная мачта. Сооружение солидное, но недолговечное. Во время хорошего шторма, как говорят, волна иногда хватает до окон домика и брызги долетают даже до мачтовой реи, причем дрожит вся пристань.

Возле пристани по берегу, по-видимому без дела, бродило с полсотни каторжных: одни в халатах, другие в куртках или пиджаках из серого сукна. При моем появлении вся полсотня сняла шапки – такой чести до сих пор, вероятно, не удостоивался еще ни один литератор. На берегу стояла чья-то лошадь, запряженная в безрессорную линейку. Каторжные взвалили мой багаж на линейку, человек с черною бородой, в пиджаке и в рубахе навывпуск, сел на козлы. Мы поехали.

– Куда прикажете, ваше высокоблагородие? – спросил он, оборачиваясь и снимая шапку. Я спросил, не отдается ли тут где-нибудь внаймы квартира, хотя бы в одну комнату.

– Точно так, ваше высокоблагородие, отдается.

Две версты от пристани до Александровского поста я ехал по превосходному шоссе. В сравнении с сибирскими дорогами это чистенькое, гладкое шоссе, с канавами и фонарями, кажется просто роскошью. Рядом с ним проложена рельсовая дорога. Но природа по пути поражает своею бедностью. Вверху на горах и холмах, окружающих Александровскую долину, по которой протекает Дуйка, обгорелые пни или торчат, как иглы дикобраза, стволы лиственниц,

высушенных ветром и пожарами, а внизу по долине кочки и кислые злаки – остатки недавно бывшего здесь непроходимого болота. Свежий разрез земли в канавах обнажает во всем ее убожестве болотную перегорелую почву с полувершковым слоем плохого чернозема. Ни сосны, ни дуба, ни клена – одна только лиственница, тощая, жалкая, точно сгрызенная, которая служит здесь не украшением лесов и парков, как у нас в России, а признаком дурной, болотистой почвы и сурового климата.

Александровский пост, или, короче, Александровск, представляет из себя небольшой благообразный городок сибирского типа, тысячи на три жителей. В нем нет ни одной каменной постройки, а все сделано из дерева, главным образом из лиственницы: и церкви, и дома, и тротуары. Здесь резиденция начальника острова, центр сахалинской цивилизации. Тюрьма находится близ главной улицы, но по внешнему виду она мало отличается от военной казармы, и потому Александровск совсем не носит того мрачного острожного характера, какой я ожидал встретить.

Возница привез меня в Александровскую слободку, предместье поста, к крестьянину из ссыльных П. Мне показали квартиру. Небольшой дворик, мощный по-сибирски бревнами, кругом навесы; в доме пять просторных, чистых комнат, кухня, но ни следа мебели. Хозяйка, молодая бабенка, принесла стол, потом минут через пять табурет.

– Эта квартира у нас ходила с дровами 22 рубля, а без дров 15, – сказала она.

А когда час спустя вносила самовар, сказала со вздохом:

– Заехали в эту пропасть!

Она девушкой пришла сюда с матерью за отцом-каторжным, который до сих пор еще не отбыл своего срока; теперь она замужем за крестьянином из ссыльных, мрачным стариком, которого я мельком видел, проходя по двору; он был болен чем-то, лежал на дворе под навесом и кряхтел.

– Теперь у нас в Тамбовской губернии, чай, жнут, – сказала хозяйка, – а тут глаза бы мои не глядели.

И в самом деле неинтересно глядеть: в окно видны грядки с капустною рассадой, около них безобразные канавы, вдали маячит тощая, засыхающая лиственница. Охая и держась за бока, вошел хозяин и стал мне жаловаться на неурожай, холодный климат, нехорошую землю. Он благополучно отбыл каторгу и поселение, имел теперь два дома, лошадей и коров, держал много работников и сам ничего не делал, был женат на молоденькой, а главное, давно уже имел право переселиться на материк – и все-таки жаловался.

В полдень я ходил по слободке. На краю слободки стоит хорошенький домик с палисадником и с медною дощечкой на дверях, а возле домика в одном с ним дворе лавочка. Я зашел купить себе чего-нибудь поесть. «Торговое дело» и «Торгово-комиссионный склад» – так называется эта скромная лавочка в сохранившихся у меня печатном и рукописном прејскурантах – принадлежит ссыльнопоселенцу Л., бывшему гвардейскому офицеру, осужденному лет 12 тому назад Петербургским окружным судом за убийство. Он уже отбыл каторгу и занимается теперь торговлей, исполняет также разные поручения по дорожной и иным частям, получая за это жалованье старшего надзирателя. Жена его свободная, из дворянок, служит фельдшерницей в тюремной больнице. В лавочке продаются и звездочки к погонам, и рахат-лукум, и пилы поперечные, и серпы, и «шляпы дамские, летние, самые модные, лучших фасонов от 4 р. 50 к. до 12 р. за штуку». Пока я разговаривал с приказчиком, в лавочку вошел сам хозяин в шелковой жакетке и в цветном галстуке. Мы познакомились.

– Не будете ли добры отобедать у меня? – предложил он.

Я согласился, и мы пошли в дом. Обстановка у него комфортабельная. Венская мебель, цветы, американский аристон и гнутое кресло, на котором Л. качается после обеда. Кроме хозяйки, я застал в столовой еще четырех гостей, чиновников. Один из них, старик без усов и с седыми бакенами, похожий лицом на драматурга Ибсена, оказался младшим врачом мест-

ного лазарета, другой, тоже старик, отрекомендовался штаб-офицером оренбургского казачьего войска. С первых же слов этот офицер произвел на меня впечатление очень доброго человека и большого патриота. Он кроток и добродушно рассудителен, но когда говорят о политике, то выходит из себя и с неподдельным пафосом начинает говорить о могуществе России и с презрением о немцах и англичанах, которых отродясь не видел. Про него рассказывают, что когда он, идучи морем на Сахалин, захотел в Сингапуре купить своей жене шелковый платок и ему предложили разменять русские деньги на доллары, то он будто бы обиделся и сказал: «Вот еще, стану я менять наши православные деньги на какие-то эфиопские!» И платок не был куплен.

За обедом подавали суп, цыпят и мороженое. Было и вино.

– Когда приблизительно идет здесь последний снег? – спросил я.

– В мае, – ответил Л.

– Неправда, в июне, – сказал доктор, похожий на Ибсена.

– Я знаю поселенца, – сказал Л., – у которого калифорнская пшеница дала сам-22.

И опять возражение со стороны доктора:

– Неправда. Ничего ваш Сахалин не дает. Проклятая земля.

– Позвольте, однако, – сказал один из чиновников, – в 82 году пшеница уродилась сам-40.

Я это отлично знаю.

– Не верьте, – сказал мне доктор. – Это вам очки втирают.

За обедом же была рассказана такая легенда: когда русские заняли остров и затем стали обижать гиляков, то гиляцкий шаман проклинал Сахалин и предсказал, что из него не выйдет никакого толку.

– Так оно и вышло, – вздохнул доктор.

После обеда Л. играл на аристоне. Доктор пригласил меня переехать к нему, и в тот же день вечером я поселился на главной улице поста, в одном из домов, ближайших к присутственным местам. С этого вечера началось мое посвящение в сахалинские тайны. Доктор рассказал мне, что незадолго до моего приезда, во время медицинского осмотра скота на морской пристани, у него произошло крупное недоразумение с начальником острова и что будто бы даже в конце концов генерал замахнулся на него палкой; на другой же день он был уволен по прошению, которого не подавал. Доктор показал мне целую кипу бумаг, написанных им, как он говорил, в защиту правды и из человеколюбия. Это были копии с прошений, жалоб, рапортов и... доносов¹⁰.

– А генералу не понравится, что вы у меня остановились, – сказал доктор и значительно подмигнул глазом.

На другой день я был с визитом у начальника острова В. О. Кононовича. Несмотря на усталость и недосуг, генерал принял меня чрезвычайно любезно и беседовал со мною около часа. Он образован, начитан и, кроме того, обладает большою практической опытностью, так как до своего назначения на Сахалин в продолжение 18 лет заведовал каторгой на Каре; он красиво говорит и красиво пишет и производит впечатление человека искреннего, проникнутого гуманными стремлениями. Я не могу забыть о том удовольствии, какое доставляли мне беседы с ним, и как приятно в первое время поражало постоянно высказываемое им отвращение к телесным наказаниям. Ж. Кеннан в своей известной книге отзывается о нем восторженно.

Узнав, что я намерен пробыть на Сахалине несколько месяцев, генерал предупредил меня, что жить здесь тяжело и скучно.

---

¹⁰ Вот образчик доноса по телеграфу: «Долгом совести, семьсот двенадцатой статьи, том третий, поставлен необходимость утрудить вашество прибегнуть защите правосудия против безнаказанности за совершаемые Н лихоимство, подлоги, истязания».

– Отсюда все бегут, – сказал он, – и каторжные, и поселенцы, и чиновники. Мне еще не хочется бежать, но я уже чувствую утомление от мозговой работы, которой требуется здесь так много, благодаря, главным образом, разбросанности дела.

Он обещал мне полное содействие, но просил обождать; на Сахалине готовились к встрече генерал-губернатора, и все были заняты.

– А я рад, что вы остановились у нашего врага, – сказал он, прощаясь со мной. – Вы будете знать наши слабые стороны.

До приезда генерал-губернатора я жил в Александровске, в квартире доктора. Жизнь была не совсем обыкновенная. Когда я просыпался утром, самые разнообразные звуки напоминали мне, где я. Мимо открытых окон по улице, не спеша, с мерным звоном проходили кандалные; против нашей квартиры в военной казарме солдаты-музыканты разучивали к встрече генерал-губернатора свои марши, и при этом флейта играла из одной пьесы, тромбон из другой, фагот из третьей, и получался невообразимый хаос. А в комнатах у нас неугомонно свистали канарейки, и мой хозяин-доктор ходил из угла в угол и, перелистывая на ходу законы, мыслил вслух:

– Если на основании статьи такой-то я подам прошение туда-то, и т. д.

Или же он вместе со своим сыном садился писать какую-нибудь кляузу. Выйдешь на улицу, тут жарко. Жалуются даже на засуху, и офицеры ходят в кителях, а это бывает не каждое лето. Движение на улицах здесь гораздо значительнее, чем в наших уездных городах, и это легко объяснить приготовлениями к встрече начальника края, главным же образом – преобладанием в здешнем населении рабочего возраста, который большую часть дня проводит вне дома. К тому же здесь на небольшом пространстве сгруппированы: тюрьма более чем на тысячу и военные казармы на 500 человек. Спешно строят мост через Дуйку, воздвигают арки, чистят, красят, подметают, маршируют. По улицам носятся тройки и пары с колокольчиками – это готовят для генерал-губернатора лошадей. Такая спешка, что работают даже в праздники.

Вот по улице, направляясь к полицейскому управлению, идет толпа гиляков, здешних аборигенов, и на них сердито лают смирные сахалинские дворняжки, которые лают почему-то на одних только гиляков. Вот другая группа: кандалные каторжные в шапках и без шапок, звеня цепями, тащат тяжелую тачку с песком, сзади к тачке цепляются мальчишки, по сторонам плетутся конвойные с потными красными лицами и с ружьями на плечах. Высыпав песок на площадке перед домом генерала, кандалные возвращаются той же дорогой назад, и звон кандалов слышится непрерывно. Каторжный в халате с бубновым тузом ходит из двора во двор и продает ягоду голубику. Когда идешь по улице, сидящие встают и все встречные снимают шапки.

Каторжные и поселенцы, за немногими исключениями, ходят по улицам свободно, без кандалов и без конвоя, и встречаются на каждом шагу толпами и в одиночку. Они во дворе и в доме, потому что они кучера, сторожа, повара, кухарки и няньки. Такая близость в первое время с непривычки смущает и приводит в недоумение. Идешь мимо какой-нибудь постройки, тут каторжные с топорами, пилами и молотками. А ну, думаешь, размахнется и трахнет! Или придешь к знакомому и, не заставши дома, сядешь писать ему записку, а сзади в это время стоит и ждет его слуга – каторжный с ножом, которым он только что чистил в кухне картофель. Или, бывало, рано утром, часа в четыре, просыпаешься от какого-то шороха, смотришь – к постели на цыпочках, чуть дыша, крадется каторжный. Что такое? Зачем? «Сапожки почистить, ваше высокоблагородие». Скоро я пригляделся и привык. Привыкают все, даже женщины и дети. Здешние дамы бывают совершенно покойны, когда отпускают своих детей гулять с няньками бессрочнокаторжными.

Один корреспондент пишет, что вначале он трусил чуть не каждого куста, а при встречах на дороге и тропинках с арестантом ощупывал под пальто револьвер, потом успокоился, придя к заключению, что «каторга в общем – стадо баранов, трусливых, ленивых, полуголод-

ных и заискивающих». Чтобы думать, что русские арестанты не убивают и не грабят встречного только из трусости и лени, надо быть очень плохого мнения о человеке вообще или не знать человека.

Приамурский генерал-губернатор барон А. Н. Корф прибыл на Сахалин 19 июля, на военном судне «Бобр». На площади, между домом начальника острова и церковью, он был встречен почетным караулом, чиновниками и толпой поселенцев и каторжных. Играла та самая музыка, о которой я только что говорил. Благообразный старик, бывший каторжный, разбогатевший на Сахалине, по фамилии Потемкин, поднес ему хлеб-соль на серебряном блюде местного изделия. На площади же стоял мой хозяин-доктор в черном фраке и в картузе и держал в руках прошение. Я в первый раз видел сахалинскую толпу, и от меня не укрылась ее печальная особенность: она состояла из мужчин и женщин рабочего возраста, были старики и дети, но совершенно отсутствовали юноши. Казалось, будто возраста от 13 до 20 лет на Сахалине вовсе не существует. И я невольно задал себе вопрос: не значит ли это, что молодежь, подрастая, оставляет остров при первой возможности?

На другой же день по приезде генерал-губернатор приступил к осмотру тюрем и поселений. Всюду поселенцы, ожидавшие его с большим нетерпением, подавали ему прошения и словесно заявляли просьбы. Говорили каждый за себя или один за все селение, и так как ораторское искусство процветает на Сахалине, то дело не обошлось и без речей; в Дербинском поселенец Маслов в своей речи несколько раз назвал начальство «всемиловитейшим правительством». К сожалению, далеко не все, обращавшиеся к барону А. Н. Корфу, просили того, что нужно. Тут, как и в России в подобных случаях, сказала досадная мужицкая темнота: просили не школ, не правосудия, не заработков, а разных пустяков: кто казенного довольствия, кто усыновления ребенка, — одним словом, подавали прошения, которые могли быть удовлетворены и местным начальством. А. Н. Корф отнесся к их просьбам с полным вниманием и доброжелательством; глубоко тронутый их бедственным положением, он давал обещания и возбуждал надежды на лучшую жизнь¹¹. Когда в Аркове помощник смотрителя тюрьмы отпартовал: «В селении Аркове все обстоит благополучно», барон указал ему на озимые и яровые всходы и сказал: «Все благополучно, кроме только того, что в Аркове нет хлеба». В Александровской тюрьме по случаю его приезда арестантов кормили свежим мясом и даже олениной; он обошел все камеры, принимал прошения и приказал расковать многих кандалных.

22 июля после молебна и парада (был табельный день) прибежал надзиратель и доложил, что генерал-губернатор желает меня видеть. Я отправился. А. Н. Корф принял меня очень ласково и беседовал со мной около получаса. Наш разговор происходил в присутствии ген. Коновича. Между прочим, мне был предложен вопрос, не имею ли я какого-либо официального поручения. Я ответил: нет.

— По крайней мере нет ли у вас поручения от какого-либо ученого общества или газеты? — спросил барон.

У меня в кармане был корреспондентский бланок, но так как я не имел в виду печатать что-либо о Сахалине в газетах, то, не желая вводить в заблуждение людей, относившихся ко мне, очевидно, с полным доверием, я ответил: нет.

— Я разрешаю вам бывать где и у кого угодно, — сказал барон. — Нам скрывать нечего. Вы осмотрите здесь все, вам дадут свободный пропуск во все тюрьмы и поселения, вы будете пользоваться документами, необходимыми для вашей работы, — одним словом, вам двери будут открыты всюду. Не могу я разрешить вам только одного: какого бы то ни было общения с политическими, так как разрешать вам это я не имею никакого права.

Отпуская меня, барон сказал:

---

¹¹ И даже несбыточные надежды. В одном селении, говоря о том, что крестьяне из ссыльных теперь уже имеют право переезда на материк, он сказал: «А потом можете и на родину, в Россию».

– Завтра мы еще поговорим. Приходите с бумагой.

В тот же день я присутствовал на торжественном обеде в квартире начальника острова. Тут я познакомился почти со всею сахалинскою администрацией. За обедом играла музыка, произносились речи. А. Н. Корф, в ответ на тост за его здоровье, сказал короткую речь, из которой мне теперь припоминаются слова: «Я убедился, что на Сахалине «несчастливым» живется легче, чем где-либо в России и даже Европе. В этом отношении вам предстоит сделать еще многое, так как путь добра бесконечен». Он пять лет назад был на Сахалине и теперь находил прогресс значительным, превосходившим всякие ожидания. Его похвальное слово не мирилось в сознании с такими явлениями, как голод, повальная проституция ссыльных женщин, жестокие телесные наказания, но слушатели должны были верить ему: настоящее в сравнении с тем, что происходило пять лет назад, представлялось чуть ли не началом золотого века.

Вечером была иллюминация. По улицам, освещенным площадками и бенгальским огнем, до позднего вечера гуляли толпами солдаты, поселенцы и каторжные. Тюрма была открыта. Река Дуйка, всегда убогая, грязная, с лысыми берегами, а теперь украшенная по обе стороны разноцветными фонарями и бенгальскими огнями, которые отражались в ней, была на этот раз красива, даже величественна, но и смешна, как кухаркина дочь, на которую для примерки надели барышнину платье. В саду генерала играла музыка и пели певчие. Даже из пушки стреляли, и пушку разорвало. И все-таки, несмотря на такое веселье, на улицах было скучно. Ни песен, ни гармоник, ни одного пьяного; люди бродили, как тени, и молчали, как тени. Каторга и при бенгальском освещении остается каторгой, а музыка, когда ее издали слышит человек, который никогда уже не вернется на родину, наводит только смертную тоску.

Когда я явился к генерал-губернатору с бумагой, он изложил мне свой взгляд на сахалинскую каторгу и колонию и предложил записать все, сказанное им, что я, конечно, исполнил очень охотно. Все записанное он предложил мне озаглавить так: «Описание жизни несчастных». Из нашей последней беседы и из того, что я записал под его диктовку, я вынес убеждение, что это великодушный и благородный человек, но что «жизнь несчастных» была знакома ему не так близко, как он думал. Вот несколько строк из описания: «Никто не лишен надежды сделаться полноправным; пожизненности наказания нет. Бессрочная каторга ограничивается 20-ю годами. Каторжные работы не тягостны. Труд подневольный не дает работнику личной пользы – в этом его тягость, а не в напряжении физическом. Цепей нет, часовых нет, бритых голов нет».

Дни стояли хорошие, с ясным небом и с прозрачным воздухом, похожие на наши осенние дни. Вечера были превосходные; припоминается мне пылающий запад, темно-синее море и совершенно белая луна, выходящая из-за гор. В такие вечера я любил кататься по долине между постом и деревней Ново-Михайловкой; дорога здесь гладкая, ровная, рядом с ней рельсовый путь для вагонеток, телеграф. Чем дальше от Александровска, тем долина становится уже, потемки густеют, гигантские лопухи начинают казаться тропическими растениями; со всех сторон надвигаются темные горы. Вон вдали огни, где жгут уголь, вон огонь от пожара. Восходит луна. Вдруг фантастическая картина: мне навстречу по рельсам, подпираясь шестом, катит на небольшой платформе каторжный в белом. Становится жутко.

– Не пора ли назад? – спрашиваю кучера. Кучер-каторжный поворачивает лошадей, потом оглядывается на горы и огни и говорит:

– Скучно здесь, ваше высокоблагородие. У нас в России лучше.

III

Перепись. – Содержание статистических карточек. – О чем я спрашивал, и как отвечали мне. – Изба и ее жильцы. – Мнения ссыльных о переписи

Чтобы побывать по возможности во всех населенных местах и познакомиться поближе с жизнью большинства ссыльных, я прибегнул к приему, который в моем положении казался мне единственным. Я сделал перепись. В селениях, где я был, я обошел все избы и записал хозяев, членов их семей, жильцов и работников. Чтобы облегчить мой труд и сократить время, мне любезно предлагали помощников, но так как, делая перепись, я имел главной целью не результаты ее, а те впечатления, которые дает самый процесс переписи, то я пользовался чужой помощью только в очень редких случаях. Эту работу, произведенную в три месяца одним человеком, в сущности, нельзя назвать переписью; результаты ее не могут отличаться точностью и полнотой, но, за неимением более серьезных данных ни в литературе, ни в сахалинских канцеляриях, быть может, пригодятся и мои цифры.

Для переписи я пользовался карточками, которые были напечатаны для меня в типографии при полицейском управлении. Самый процесс переписи заключался в следующем. Прежде всего на каждой карточке в первой строке я отмечал название поста или селения. Во второй строке: номер дома по казенной подворной описи. Затем, в третьей строке, звание записываемого: каторжный, поселенец, крестьянин из ссыльных, свободного состояния. Свободных я записывал только в тех случаях, если они принимали непосредственное участие в хозяйстве ссыльного, например, состояли с ним в браке, законном или незаконном, и вообще принадлежали к семье его или проживали в его избе в качестве работника или жильца и т. п. Званию в сахалинском обиходе придается большое значение. Каторжного, несомненно, стесняет его звание; на вопрос, какого он звания, он отвечает: «рабочий». Если же до каторги он был солдатом, то непременно добавляет еще к этому: «из солдат, ваше высокоблагородие». Отбыв или, как сам он выражается, отслужив свой срок, он становится поселенцем. Это новое звание не считается низким уже потому, что слово «поселенец» мало чем отличается от поселянина, не говоря уже о правах, какие сопряжены с этим званием. На вопрос, кто он, поселенец обыкновенно отвечает так: «вольный». Через десять, а при благоприятных условиях, оговоренных в уставе о ссыльных, через шесть лет поселенец получает звание крестьянина из ссыльных. На вопрос, какого он звания, крестьянин отвечает не без достоинства, как будто уж не может идти в счет с прочими и отличается от них чем-то особенным: «Я крестьянин». Но без прибавки «из ссыльных». Я не спрашивал ссыльных о прежнем их звании, так как по этому пункту в канцеляриях имеется достаточно сведений. Сами они, кроме солдат, ни мещане, ни купцы, ни духовные, не распространяются насчет своего утерянного звания, как будто оно уже забыто, а называют свое прежнее состояние коротко – волей. Если кто заводит разговор о своем прошлом, то обыкновенно начинает так: «Когда я жил на воле...» и т. д.

Четвертая строка: имя, отчество и фамилия. Насчет имен могу только вспомнить, что я, кажется, не записал правильно ни одного женского татарского имени. В татарской семье, где много девочек, а отец и мать едва понимают по-русски, трудно добиться толку и приходится записывать наугад. И в казенных бумагах татарские имена пишутся тоже неправильно.

Случается, что православный русский мужичок на вопрос, как его зовут, отвечает не шутя: «Карл». Это бродяга, который по дороге сменился именем с каким-то немцем. Таких, помнится, записано мною двое: Карл Лангер и Карл Карлов. Есть каторжный, которого зовут Наполеоном. Есть женщина-бродяга Прасковья, она же Марья. Что касается фамилий, то по какой-то странной случайности на Сахалине много Богдановых и Беспаловых. Много курьезных фамилий: Шкандыба, Желудок, Безбожный, Зевака. Татарские фамилии, как мне говорили, сохраняют и на Сахалине, несмотря на лишение всех прав состояния, приставки и

частицы, означающие высокие звания и титулы. Насколько это верно, не знаю, но ханов, султанов и оглы записал я немало. У бродяг самое употребительное имя Иван, а фамилия Непомнящий. Вот несколько бродяжеских прозвищ: Мустафа Непомнящий, Василий Безотечества, Франц Непомнящий, Иван Непомнящий 20 лет, Яков Беспровзвания, бродяга Иван 35 лет¹², Человек Неизвестного Звания.

В этой же строке я отмечал отношения записываемого к хозяину: жена, сын, сожительница, работник, жилец, сын жильца и т. д. Записывая детей, я отличал законно- и незаконно-рожденных, родных и приемных. Кстати сказать, приемыши часто встречаются на Сахалине, и мне приходилось записывать не только приемных детей, но и приемных отцов. Многие из живущих в избах относятся к хозяевам как совладельцы или половинщики. В обоих северных округах на одном участке сидят по два и даже по три владельца, и так – больше, чем в половине хозяйств; поселенец садится на участок, строит дом и обзаводится хозяйством, а через два-три года ему сажают совладельца или же один участок дают сразу двум поселенцам. Это происходит от нежеланья и неуменья администрации приискивать новые места для поселений. Бывает и так, что отбывший каторгу просит, чтобы ему позволили поселиться в таком посту или селении, где усадебных мест уже нет, и его поневоле приходится сажать уже на готовое хозяйство. Количество совладельцев особенно увеличивается после объявления высочайших манифестов, когда администрация бывает вынуждена приискивать места сразу для нескольких сотен душ.

Пятая строка: возраст. Женщины, которым уже за сорок, плохо помнят свои лета и отвечают на вопрос, подумав. Армяне из Эриванской губ(ернии) совсем не знают своего возраста. Один из них ответил мне так: «Может, тридцать, а может, уже и пятьдесят». В таких случаях приходилось определять возраст приблизительно, на глаз, и потом проверять по статейному списку. Молодежь 15 лет и постарше обыкновенно убавляет свои лета. Иная уже невеста или давно уже занимается проституцией, а все еще 13-14 лет. Дело в том, что дети и подростки в беднейших семьях получают от казны кормовые, которые выдаются только до 15 лет, и тут молодых людей и их родителей простой расчет побуждает говорить неправду.

Шестая строка относилась к вероисповеданию. Седьмая: где родился? На этот вопрос мне отвечали без малейшего затруднения, и только бродяги отвечали каким-нибудь острожным каламбуром или «не помню». Девушка Наталья Непомнящая, когда я спросил ее, какой она губернии, сказала мне: «Всех понемножку». Земляки заметно держатся друг друга, вместе ведут компанию, и коли бегут, то тоже вместе; туляк предпочитает идти в совладельцы к туляку, бакинец к бакинцу. По-видимому, существуют землячества. Когда случалось спрашивать про отсутствующего, то земляки давали о нем самые подробные сведения.

Восьмая строка: с какого года на Сахалине? Редкий сахалинец отвечал на этот вопрос сразу, без напряжения. Год прибытия на Сахалин – год страшного несчастья, а между тем его не знают или не помнят. Спрашиваешь каторжную бабу, в каком году ее привезли на Сахалин, а она отвечает вяло, не думая: «Кто ж его знает? Должно, в 83-м». Вмешивается муж или сожитель: «Ну, что зря языком болтать? Ты пришла в 85-м». – «Может, и в 85-м», – соглашается она со вздохом. Начинаем считать, и мужик выходит прав. Мужчины не так туги, как бабы, но и они дают ответ не сразу, а подумав и поговорив.

– Тебя в каком году пригнали на Сахалин? – спрашиваю я поселенца.

– Я одного сплава с Гладким, – говорит он неуверенно, поглядывая на товарищей.

Гладкий первого сплава, а первый сплав, то есть первый «Доброволец», пришел на Сахалин в 1879 г. Так и записываю. Или бывает такой ответ: «В каторге я пробыл шесть лет, да вот в поселенцах уж третий год... Вот и считайте». – «Значит, ты на Сахалине уже девятый год?» – «Никак нет. До Сахалина я еще в центре отсидел два года». И т. д. Или такой ответ:

¹² Это число составляет часть фамилии. В действительности ему 48 лет.

«Я пришел в тот год, когда Дербина убили». Или: «Тогда Мицуль помер». Для меня было особенно важно получать верные ответы от тех, которые пришли сюда в шестидесятых и семидесятых годах; мне хотелось не пропустить ни одного из них, что, по всей вероятности, не удалось мне. Сколько уцелело из тех, которые пришли сюда 20–25 лет назад? – вопрос, можно сказать, роковой для сахалинской колонизации.

В девятой строке я записывал главное занятие и ремесло.

В десятой – грамотность. Обыкновенно вопрос предлагают в такой форме: «Знаешь ли грамоте?» – я же спрашивал так: «Умеешь ли читать?» – и это во многих случаях спасало меня от неверных ответов, потому что крестьяне, не пишущие и умеющие разбирать только по-печатному, называют себя неграмотными. Есть и такие, которые из скромности прикидываются невеждами. «Где уж нам? Какая наша грамота?» – и лишь при повторении вопроса говорят: «Разбирал когда-то по-печатному, да теперь, знать, забыл. Народ мы темный, одно слово – мужики». Неграмотными называют себя также плохо видящие глазами и слепые.

Одиннадцатая относилась к семейному состоянию: женат, вдов, холост? Если женат, то где: на родине, на Сахалине? Слова «женат, вдов, холост» на Сахалине еще не определяют семейного положения; здесь очень часто женатые бывают обречены на одинокую безбрачную жизнь, так как супруги их живут на родине и не дают им развода, а холостые и вдовы живут семейно и имеют по полдюжине детей; поэтому ведущих холостую жизнь не формально, а на самом деле, хотя бы они значились женатыми, я считал не лишним отмечать словом «одинок». Нигде в другом месте России незаконный брак не имеет такого широкого и гласного распространения и нигде он не облечен в такую оригинальную форму, как на Сахалине. Незаконное, или, как называют здесь, свободное, сожителство не встречает себе противников ни в начальстве, ни в духовенстве, а, наоборот, поощряется и санкционируется. Есть поселения, где не встретишь ни одного законного сожителства. Свободные пары составляют хозяйства на тех же основаниях, как и законные; они рожают для колонии детей, а потому нет причин при регистрации создавать для них особые правила.

Наконец, двенадцатая строка: получает ли пособие от казны? Из ответов на этот вопрос я хотел выяснить, какая часть населения не в состоянии обойтись без материальной поддержки от казны, или, другими словами, кто кормит колонию: она сама себя или казна? Пособие от казны, кормовое или вещевое, или денежное, обязательно получают все каторжные, поселенцы в первые годы по отбытии каторги, богадельщики и дети беднейших семей. Кроме этих официально признанных пенсионеров, я отметил живущими на счет казны также и тех ссыльных, которые получают от нее жалованье за разные услуги, например: учителя, писаря, надзиратели и т. п. Но ответ получился неполный. Кроме обычных пайков, кормовых и жалований, в широких размерах практикуется еще выдача таких пособий, которые невозможно отметить на карточках, например: пособие при вступлении в брак, покупка у поселенцев зерна по умышленно дорогой цене, а главное, выдача семян, скота и пр. в долг. Иной поселенец должен в казну несколько сот рублей и никогда их не отдаст, но я поневоле должен был записать его не получающим пособия.

Каждую женскую карточку я перечеркивал вдоль красным карандашом и нахожу, что это удобнее, чем иметь особую рубрику для отметки пола. Я записывал только наличных членов семьи; если мне говорили, что старший сын уехал во Владивосток на заработки, а второй служит в селении Рыковском в работниках, то я первого не записывал вовсе, а второго заносил на карточку в месте его жительства.

Я ходил из избы в избы один; иногда сопровождал меня какой-нибудь каторжный или поселенец, бравший на себя от скуки роль проводника. Иногда за мной или на некотором расстоянии следовал, как тень, надзиратель с револьвером. Это посылали его на случай, если я потребую каких-нибудь разъяснений. Когда я обращался к нему с каким-нибудь вопросом, то лоб у него мгновенно покрывался потом, и он отвечал: «Не могу знать, ваше высокоблагосла-»

родие!» Обыкновенно спутник мой, босой и без шапки, с моею чернильницей в руках, забежал вперед, шумно отворял дверь и в сенях успевал что-то шепнуть хозяину – вероятно, свои предположения насчет моей переписи. Я входил в избу. На Сахалине попадаются избы всякого рода, смотря по тому, кто строил – сибиряк, хохол или чухонец, но чаще всего – это небольшой сруб, аршин в шесть, двух- или трехконный, без всяких наружных украшений, крытый соломой, корьем и редко тесом. Двора обыкновенно нет. Возле ни одного деревца. Сараишко или банька на сибирский манер встречаются редко. Если есть собаки, то вялые, не злые, которые, как я говорил уже, лают на одних только гиляков, вероятно, потому, что те носят обувь из собачьей шкуры. И почему-то эти смирные, безобидные собаки на привязи. Если есть свинья, то с колодкой на шее. Петух тоже привязан за ногу.

– Зачем это у тебя собака и петух привязаны? – спрашиваю хозяина.

– У нас на Сахалине все на цепи, – острит он в ответ. – Земля уж такая.

В избе одна комната, с русской печкой. Полы деревянные. Стол, два-три табурета, скамья, кровать с постелью или же постлано прямо на полу. Или так, что нет никакой мебели и только среди комнаты лежит на полу перина, и видно, что на ней только что спали; на окне чашка с объедками. По обстановке это не изба, не комната, а скорее, камера для одиночного заключения. Где есть женщины и дети, там, как бы ни было, похоже на хозяйство и на крестьянство, но все же и там чувствуется отсутствие чего-то важного; нет деда и бабки, нет старых образов и дедовской мебели, стало быть, хозяйству недостает прошлого, традиций. Нет красного угла, или он очень беден и тускл, без лампы и без украшений, – нет обычаев; обстановка носит случайный характер, и похоже, как будто семья живет не у себя дома, а на квартире или будто она только что приехала и еще не успела освоиться; нет кошки, по зимним вечерам не бывает слышно сверчка... а главное, нет родины.

Картины, которые я встречал, обыкновенно не говорили мне о домовитости, уютности и о прочности хозяйств. Чаще всего я встречал в избе самого хозяина, одинокого, скучающего бобыля, который, казалось, околел от вынужденного безделья и скуки; на нем вольное платье, но по привычке шинель накинута на плечи по-арестантски, и если он недавно вышел из тюрьмы, то на столе у него валяется фуражка без козырька. Печка не топлена, посуды только и есть, что котелок да бутылка, заткнутая бумажкой. Сам он о своей жизни и о своем хозяйстве отзывается насмешливо, с холодным презрением. Говорит, что уже всякие способы перепробовал, но никакого толку не выходит; остается одно: махнуть на все рукой. Пока говоришь с ним, в избу собираются соседи, и начинается разговор на разные темы: о начальстве, климате, женщинах... От скуки все готовы говорить и слушать без конца. Бывает и так, что, кроме хозяина, застаешь в избе еще целую толпу жильцов и работников; на пороге сидит жилец-каторжный с ремешком на волосах и шьет чирки; пахнет кожей и сапожным варом; в сенях на лохмотьях лежат его дети, и тут же в темном и тесном углу его жена, пришедшая за ним добровольно, делает на маленьком столике вареники с голубикой; это недавно прибывшая из России семья. Дальше, в самой избе, человек пять мужчин, которые называют себя кто – жильцом, кто – работником, а кто – сожителем; один стоит около печки и, надув щеки, выпучив глаза, паяет что-то; другой, очевидно, шут, с деланно-глупою физиономией, бормочет что-то, остальные хохочут в кулаки. А на постели сидит вавилонская блудница, сама хозяйка Лукерья Непомнящая, лохматая, тощая, с веснушками; она старается посмешнее отвечать на мои вопросы и болтает при этом ногами. Глаза у нее нехорошие, мутные, и по испитому, апатичному лицу я могу судить, сколько на своем еще коротком веку переиспытала она тюрем, этапов, болезней. Эта Лукерья задает в избе общий тон жизни, и благодаря ей на всей обстановке сказывается близость ошалелого, беспутного бродяги. Тут уж о серьезном хозяйстве не может быть и речи. Приходилось также заставить в избе целую компанию, которая до моего прихода играла в карты; на лицах смущение, скука и ожидание: когда я уйду, чтобы опять можно было приняться за карты? Или входишь в избу, и намек нет на мебель, печь голая, а на полу у стен

рядышком сидят черкесы, одни в шапках, другие с непокрытыми стриженными и, по-видимому, очень жесткими головами и смотрят на меня не мигая. Если я заставал дома одну только сожительницу, то обыкновенно она лежала в постели, отвечала на мои вопросы, зевая и потягиваясь, и, когда я уходил, опять ложилась.

Ссылное население смотрело на меня, как на лицо официальное, а на перепись – как на одну из тех формальных процедур, которые здесь так часты и обыкновенно ни к чему не ведут. Впрочем, то обстоятельство, что я не здешний, не сахалинский чиновник, возбуждало в ссылных некоторое любопытство. Меня спрашивали:

– Зачем это вы всех нас записываете?

И тут начинались разные предположения. Одни говорили, что, вероятно, высшее начальство хочет распределить пособие между ссылными, другие – что, должно быть, уж решили наконец переселять всех на материк, – а здесь упорно и крепко держится убеждение, что рано или поздно каторга с поселениями будет переведена на материк, – третьи, прикидываясь скептиками, говорили, что они не ждут уже ничего хорошего, так как от них сам Бог отказался, и это для того, чтобы вызвать с моей стороны возражение. А из сеней или с печки, как бы в насмешку над всеми этими надеждами и догадками, доносился голос, в котором слышались усталость, скука и досада на беспокойство:

– И все они пишут, и все они пишут, и все они пишут, Царица Небесная!

Голодать и вообще терпеть какие-либо лишения во время моих разъездов по Сахалину мне не приходилось. Я читал, будто агроном Мицуль, исследуя остров, терпел сильную нужду и даже вынужден был съесть свою собаку. Но с тех пор обстоятельства значительно изменились. Теперешний агроном ездит по отличным дорогам; даже в самых бедных селениях есть надзирательские, или так называемые станки, где всегда можно найти теплое помещение, самовар и постель. Исследователи, когда отправляются в глубь острова, в тайгу, то берут с собой американские консервы, красное вино, тарелки, вилки, подушки и все, что только можно взвалить на плечи каторжным, заменяющим на Сахалине вьючных животных. Случается и теперь, что люди питаются гнилушками с солью и даже поедают друг друга, но это относится не к туристам и не к чиновникам.

В следующих главах я буду описывать посты и селения и попутно знакомить читателя с каторжными работами и тюрьмами, поскольку я сам успел познакомиться с ними в короткое время. На Сахалине каторжные работы разнообразны в высшей степени; они не специализировались на золоте или угле, а обнимают весь обиход сахалинской жизни и разбросаны по всем населенным местам острова. Корчевка леса, постройки, осушка болот, рыбные ловли, сенокос, нагрузка пароходов – все это виды каторжных работ, которые по необходимости до такой степени слились с жизнью колонии, что выделять их и говорить о них как о чем-то самостоятельно существующем на острове можно разве только при известном рутинном взгляде на дело, который на каторге ищет прежде всего рудников и заводских работ.

Я начну с Александровской долины, с селений, расположенных на реке Дуйке. На Северном Сахалине эта долина была первая избрана для поселений не потому, что она лучше всех исследована или отвечает целям колонизации, а просто случайно, благодаря тому обстоятельству, что она была ближайшей к Дуэ, где впервые возникла каторга.

IV

Река Дуйка. – Александровская долина. – Слободка Александрова. – Бродяга Красивый. – Александровский пост. – Его прошлое. – Юрты. – Сахалинский Париж

Река Дуйка, или, как ее иначе называют, Александровка, в 1881 г., когда ее исследовал зоолог Поляков, в своем нижнем течении имела до десяти сажень в ширину, на берега ее были намыты громадные кучи деревьев, обрушившихся в воду, низина во многих местах была покрыта старым лесом из пихты, лиственницы, ольхи и лесной ивы, и кругом стояло непроходимое топкое болото. В настоящее же время эта река имеет вид длинной узкой лужи. Шириной, совершенно голыми берегами и своим слабым течением она напоминает московскую Канаву.

Надо прочесть у Полякова описание Александровской долины и взглянуть на нее теперь, хотя мельком, чтобы понять, какая масса тяжелого, воистину каторжного труда уже потрачена на культуру этого места. «С высоты соседних гор, – пишет Поляков, – Александровская долина кажется спертою, глухою и лесистою... огромный хвойный лес покрывает значительные пространства на дне ее». Он описывает болота, непроходимые трясины, отвратительную почву и леса, где, «кроме громадных, стоящих на корню деревьев, почва нередко усеяна огромными полусгнившими стволами, свалившимися от старости или от бурь; между стволами у корней деревьев торчат часто кочки, заросшие мхом, рядом с ними ямы и рытвины». Теперь же на месте тайги, трясин и рытвин стоит целый город, проложены дороги, зеленеют луга, ржаные поля и огороды, и слышатся уже жалобы на недостаток лесов. К этой массе труда и борьбы, когда в трясине работали по пояс в воде, прибавить морозы, холодные дожди, тоску по родине, обиды, розги и – в воображении встанут страшные фигуры. И недаром один сахалинский чиновник, добряк, всякий раз, когда мы вдвоем ехали куда-нибудь, читал мне Некрасовскую «Железную дорогу».

Около самого устья в Дуйку с правой стороны впадает небольшая речка, которая называется Малою Александровкой. По обе ее стороны расположено селение Александровское, или Слободка. О ней я уже упоминал. Она составляет предместье поста и уже слилась с ним, но так как она отличается от него некоторыми особенностями и живет самостоятельно, то о ней следует говорить особо. Это одно из самых старых селений. Колонизация началась здесь вскоре после учреждения в Дуэ каторжных работ. Выбрать именно это место, а не какое-нибудь другое побудили, как пишет Мицун, роскошные луга, хороший строевой лес, судоходная река, плодородная земля... «По-видимому, – пишет этот фанатик, видевший в Сахалине обетованную землю, – нельзя было и сомневаться в успешном исходе колонизации, но из 8 человек, высланных с этою целью на Сахалин в 1862 г., только 4 поселились около реки Дуйки». Но что могли сделать эти 4? Они обрабатывали землю киркой и заступом, сеяли, случалось, весной вместо яровых озимые и кончили тем, что стали проситься на материк. В 1869 г. на месте Слободки была основана сельскохозяйственная ферма. Тут предполагалось решить очень важный вопрос: возможно ли рассчитывать на успешность применения к сельскому хозяйству принудительного труда ссыльных? Каторжные в течение трех лет корчевали, строили дома, осушали болота, проводили дороги и занимались хлебопашеством, но по отбытии срока не желали остаться здесь и обратились к генерал-губернатору с просьбой о переводе их на материк, так как хлебопашество не давало ничего, а заработков не было. Просьба их была уважена. Но то, что называлось фермой, продолжало существовать. Дуйские каторжные с течением времени становились поселенцами, из России прибывали каторжные с семьями, которых нужно было сажать на землю; приказано было считать Сахалин землею плодородною и годною для сельскохозяйственной колонии, и где жизнь не могла привиться естественным порядком, там

она мало-помалу возникла искусственным образом, принудительно, ценой крупных денежных затрат и человеческих сил. В 1879 г. д-р Августинович застал уже в Слободке 28 домов¹³.

В настоящее время в Слободке 15 хозяйств. Дома здесь крытые тесом, просторные, иногда в несколько комнат, хорошие надворные постройки, при усадьбах огороды. На каждые два дома приходится одна баня.

Всего показано в описи под пашней $39\frac{3}{4}$, под сенокосом $24\frac{1}{2}$ дес. Лошадей 23 и рогатого скота, крупного и мелкого, 47.

По составу своих хозяев Слободка считается аристократическим селением: один надворный советник, женатый на дочери поселенца, один свободный, прибывший на остров за матерью каторжною, семь крестьян из ссыльных, четыре поселенца и только два каторжных.

Из 22 семей, живущих здесь, только 4 незаконные. И по возрастному составу населения Слободка приближается к нормальной деревне; рабочий возраст не преобладает так резко, как в других селениях; тут есть и дети, и юноши, и старики старше 65 и даже 75 лет.

Чем же, спрашивается, объяснить такое сравнительно благополучное состояние Слободки даже в виду заявлений самих же местных хозяев, что «хлебопашеством здесь не проживешь»? В ответ можно бы указать на несколько причин, которые при обычных условиях располагают к правильной, оседлой, зажиточной жизни. Например, большой процент старожилов, прибывших на Сахалин до 1880 года и уже успевших привыкнуть к здешней земле и освоиться. Очень важно также, что за 19-ю мужами прибыли на Сахалин их жены, и почти все сажившиеся на участки имели уже семьи. Женщин сравнительно достаточно, так что одиноко живущих только 9, причем ни один не живет бобылем. Вообще Слободке посчастливилось, и, как на одно из благоприятных обстоятельств, можно еще указать на высокий процент грамотных: 26 мужчин и 11 женщин.

Не говоря о надворном советнике, занимающем на Сахалине должность землемера, почему хозяева свободного состояния и крестьяне из ссыльных не уходят на материк, если имеют на то право? Говорят, удерживают их в Слободке успехи в сельском хозяйстве, но ведь это относится не ко всем. Ведь слободские сенокосы и пахотная земля находятся в пользовании не у всех хозяев, а лишь у некоторых. Луга и скот есть только у 8 хозяев, пашут землю 12, и, как бы ни было, размеры сельского хозяйства здесь не настолько серьезны, чтобы ими можно было объяснить исключительно хорошее экономическое положение. Посторонних заработков нет никаких, ремеслами не занимаются, и один лишь Л., бывший офицер, имеет лавочку. Официальных данных, которые бы объяснили, почему жители Слободки богаты, тоже нет, и потому за решением загадки поневоле приходится обратиться к единственному в этом случае источнику – к дурной славе. В прежнее время в Слободке в самых широких размерах производилась тайная торговля спиртом. На Сахалине строго запрещены ввоз и продажа спирта, и это создало особый вид контрабанды. Спирт привозили и в жестянках, имевших форму сахарной головы, и в самоварах, и чуть ли не в поясах, а чаще всего просто в бочках и в обыкновенной посуде, так как мелкое начальство было подкуплено, а крупное смотрело сквозь пальцы. В Слободке бутылка плохой водки продавалась за 6 и даже 10 рублей; все тюрьмы Северного Сахалина получали водку именно отсюда. Не брезговали ею и горькие пьяницы из чиновников; я знаю одного такого, который во время запоя за бутылку спирта отдавал арестантам буквально последнее.

В настоящее время насчет спирта в Слободке стало гораздо потише. Теперь поговаривают о другом промысле – о торговле старыми арестантскими вещами – «барахлом». Скупают за бесценок халаты, рубахи, полушубки, и всю эту рвань сплавляют для сбыта в Николаевск. Затем еще тайные ссудные кассы. Барон А. Н. Корф как-то в разговоре назвал Александров-

¹³ Августинович. Несколько сведений о Сахалине. Извлечение из путевого журнала. – «Современность», 1880 г., № 1. Есть еще его статья: «Пребывание на о. Сахалине». – «Правительственный вестник», 1879 г., № 276.

ский пост сахалинским Парижем. Все, что есть в этом шумном и голодном Париже увлекающего, пьяного, азартного, слабого, когда хочется выпить, или сбыть краденое, или продать душу нечистому, идет именно в Слободку.

На пространстве между морским берегом и постом, кроме рельсовой дороги и только что описанной Слободки, есть еще одна достопримечательность. Это перевоз через Дуйку. На воде, вместо лодки или парома, большой, совершенно квадратный ящик. Капитаном этого единственного в своем роде корабля состоит каторжный Красивый, не помнящий родства. Ему уже 71 год. Горбат, лопатки выпятились, одно ребро сломано, на руке нет большого пальца и на всем теле рубцы от плетей и шпицрутенов, полученных им когда-то. Седых волос почти нет; волосы как бы полиняли, глаза голубые, ясные, с веселым добродушным взглядом. Одет в лохмотья и бос. Очень подвижен, говорлив и любит посмеяться. В 1855 г. он бежал из военной службы «по глупости» и стал бродяжить, называя себя не помнящим родства. Его задержали и отправили в Забайкалье, как он говорит, в казаки.

– Я тогда думал, – рассказывал он мне, – что в Сибири люди под землей живут, взял и убежал по дороге из Тюмени. Дошел до Камышлова, там меня задержали и присудили, ваше высокоблагородие, на 20 лет в каторгу и к 90 плетям. Послали в Кару, вlepили там эти самые плети, а оттуда сюда на Сахалин в Корсаков; я из Корсакова бежал с товарищем, но дошел только до Дуи; тут заболел, не смог дальше идти. А товарищ до Благовещенска дошел. Теперь уж я отслуживаю второй срок, а всего живу тут на Сахалине 22 года. И преступления моего было всего, что из военной службы ушел.

– Зачем же ты теперь скрываешь свое настоящее имя? Какая надобность?

– Летось я сказывал чиновнику свое имя.

– И что же?

– Да ничего. Чиновник говорит: «Пока справки делать будем, так ты помрешь. Живи и так. На что тебе?» Это правда, без ошибки... Все равно жить недолго. А все-таки, господин хороший, родные узнали бы, где я.

– Как тебя зовут?

– Мое здешнее имя Игнатъев Василий, ваше высокоблагородие.

– А настоящее?

Красивый подумал и сказал:

– Никита Трофимов. Я Скопинского уезда, Рязанской губернии.

Стал я переправляться в коробочке через реку. Красивый упирается длинным шестом о дно, и при этом напрягается все его тощее, костистое тело. Работа нелегкая.

– А тебе, небось, тяжело?

– Ничего, ваше высокоблагородие; меня никто в шею не гонит, я легонько.

Он рассказывает, что на Сахалине за все 22 года он ни разу не был сечен и ни разу не сидел в карцере.

– Потому что посылают лес пилить – иду, дают вот эту палку в руки – беру, велят печи в канцелярии топить – топлю. Повиноваться надо. Жизнь, нечего Бога гневить, хорошая. Слава тебе, Господи!

Летом он живет в юрте около перевоза. В юрте у него лохмотья, каравай хлеба, ружье и спертый, кислый запах. На вопрос, для чего ему ружье, говорит – от воров и куликов стрелять – и смеется. Ружье испорчено и стоит тут только для виду. Зимой превращается он в дровотаска и живет в конторе на пристани. Однажды я видел, как он, высоко подсучив панталоны и показывая свои жилистые, лиловые ноги, тащил с китайцем сеть, в которой серебрились горбуши, каждая величиною с нашего судака. Я окликнул его, и он радостно ответил мне.

Александровский пост основан в 1881 г. Один чиновник, который живет на Сахалине уже 10 лет, говорил мне, что когда он в первый раз приехал в Александровский пост, то едва не утонул в болоте. Иеромонах Иракий, проживавший до 1886 г. в Александровском посту,

рассказывал, что вначале тут было только три дома и в небольшой казарме, где теперь живут музыканты, помещалась тюрьма. На улицах были пни. Там, где теперь кирпичный завод, в 1882 г. охотились на соболей. Для церкви о. Ираклию была предложена надзирательская будка, но он отказался от нее, ссылаясь на тесноту. В хорошую погоду служил он на площади, а в дурную – в казарме или где придется, одну обедницу.

– Служишь, а тут бряцанье кандалов, – рассказывал он, – шум, жар от котла. Тут «слава святей единосущней», а рядом – «растакую твою...»

Настоящий рост Александровска начался с издания нового положения Сахалина, когда было учреждено много новых должностей, в том числе одна генеральская. Для новых людей и их канцелярий понадобилось новое место, так как в Дуэ, где до того времени находилось управление каторгой, было тесно и мрачно. В шести верстах от Дуэ на открытом месте уже стояла Слободка, была уже на Дуйке тюрьма, и вот по соседству мало-помалу стала вырастать резиденция: помещения для чиновников и канцелярий, церковь, склады, лавки и проч. И возникло то, без чего Сахалин обойтись бы не мог, а именно город, сахалинский Париж, где находит себе соответствующие общество и обстановку и кусок хлеба городская публика, которая может дышать только городским воздухом и заниматься только городскими делами.

Разные постройки, раскорчевка и осушение почвы производились каторжными. До 1888 года, пока не была выстроена теперешняя тюрьма, жили они тут в юртах-землянках. Это были срубы, врытые в землю на 2–2½ аршина, с двухскатными земляными крышами. Окна были маленькие, узкие, в уровень с почвою, было темно, особенно зимою, когда юрты заносило снегом. От поднятия почвенной воды иногда до пола, от постоянного застоя влаги в земляных крышах и в рыхлых гниющих стенах сырость в этих погребах была ужасная. Спали люди в полушубках. Почва вокруг, а также и колодец с водой были постоянно загрязняемы человеческими испражнениями и всякими отбросами, так как отхожих мест и мусорных ям не было вовсе. В юртах каторжные жили со своими женами и детьми.

В настоящее время Александровск занимает на плане площадь около двух квадратных верст; но так как он уже слился со Слободкой и одною своею улицей подходит к селению Корсаковскому, чтобы в самом недалеком будущем слиться с ним, то размеры его в самом деле более внушительны. Он имеет несколько прямых, широких улиц, которые, однако, называются не улицами, а по старой памяти, слободками. На Сахалине есть манера давать названия улицам в честь чиновников еще при их жизни; называют улицы не только по фамилиям, но даже по именам и отчествам¹⁴. Но по какой-то счастливой случайности Александровск не увековечил еще ни одного чиновника, и улицы его сохранили до сих пор названия слободок, из которых они образовались: Кирпичная, Пейсиковская, Касьяновская, Писарская, Солдатская. Происхождение всех этих названий понять нетрудно, кроме Пейсиковской. Говорят, будто она названа так каторжными в честь пейсов еврея, который торговал здесь, когда еще на месте Слободки была тайга; по другой же версии, жила тут и торговала поселка Пейсикова.

На улицах деревянные тротуары, всюду чистота и порядок, и даже на отдаленных улицах, где теснится беднота, нет луж и мусорных куч. Главную суть поста составляет его официальная часть: церковь, дом начальника острова, его канцелярия, почтово-телеграфная контора, полицейское управление с типографией, дом начальника округа, лавка колонизационного фонда, военные казармы, тюремная больница, военный лазарет, строящаяся мечеть с минаретом, казенные дома, в которых квартируют чиновники, и ссыльно-каторжная тюрьма с ее многочисленными складами и мастерскими. Дома большею частью новые, на европейский лад, крытые железом и часто выкрашенные снаружи. На Сахалине нет известки и хорошего камня, и потому каменных построек нет.

¹⁴ Если, положим, чиновника зовут Иваном Петровичем Кузнецовым, то одну улицу называют Кузнецовской, другую Ивановской, а третью Иваново-Петровской.

Если не считать квартир чиновников и офицеров и Солдатской слободки, где живут солдаты, женатые на свободных, — элемент подвижной, меняющийся здесь ежегодно, — то всех хозяйств в Александровске 298. Жителей 1499: из них мужчин 923, женщин 576. Если сюда прибавить свободное население, военную команду и тех каторжных, которые ночуют в тюрьме и не участвуют в хозяйствах, то получится цифра около 3000. В сравнении с Слободкой здесь очень мало крестьян, но зато каторжные составляют треть всего числа хозяев. Устав о ссыльных разрешает жить вне тюрьмы, а стало быть, и обзаводиться хозяйством только каторжным разряда исправляющихся, но этот закон постоянно обходится ввиду его непрактичности; в избах живут не одни только исправляющиеся, но также испытуемые, долгосрочные и даже бессрочные. Не говоря уже о писарях, чертежниках и хороших мастерах, которым по роду их занятий жить в тюрьме не приходится, на Сахалине немало семейных каторжников, мужей и отцов, которых непрактично было бы держать в тюрьмах отдельно от их семей: это вносило бы немалую путаницу в жизнь колонии. Пришлось бы держать семьи тоже в тюрьмах или же продолжать вольствовать их квартирой и пищей на счет казны, или же удерживать на родине все время, пока отец семейства отбывает каторгу.

Каторжные разряда испытуемых живут в избах и часто поэтому несут более слабое наказание, чем исправляющиеся. Тут резко нарушается идея равномерности наказания, но этот беспорядок находит себе оправдание в тех условиях, из которых сложилась жизнь колонии, и к тому же он легко устраним: стоит только перевести из тюрьмы в избы остальных арестантов. Но, говоря о семейных каторжных, нельзя мириться с другим беспорядком — с нерасчетливостью администрации, с какою она разрешает десяткам семейств селиться там, где нет ни усадебной, ни пахотной земли, ни сенокосов, в то время как в селениях других округов, поставленных в этом отношении в более благоприятные условия, хозяйничают только бобыли, и хозяйства не задаются вовсе благодаря недостатку женщин. В Южном Сахалине, где урожай бывает ежегодно, есть селения, в которых нет ни одной женщины, между тем в сахалинском Париже одних лишь женщин свободного состояния, прибывших за мужьями добровольно из России, живет 158.

В Александровске уже нет усадебной земли. В прежнее время, когда было просторно, давали под усадьбы 100–200 и даже 500 квадратных сажен, теперь же сажают на 12 и даже на 9 и 8. Я сосчитал 161 хозяйство, которые ютятся со своими стройками и огородами на усадьбах, имеющих каждая не более 20 кв. сажен. Виноваты в этом главным образом естественные условия Александровской долины: двигаться назад к морю нельзя, не годится здесь почва, с боков пост ограничен горами, а вперед он может расти теперь только в одном направлении, вверх по течению Дуйки, по так называемой Корсаковской дороге: здесь усадьбы тянутся в один ряд и тесно жмутся друг к другу.

По данным подворной описи, пахотную земель пользуются только 36 хозяев, а сенокосом только 9. Величина участков пахотной земли колеблется между 300 саж. и 1 десятиной. Картофель сажают почти все. Лошади есть только у 16, а коровы у 38, причем скот держат крестьяне и поселенцы, занимающиеся не хлебопашеством, а торговлей. Из этих немногих цифр следует заключить, что хозяйства в Александровске держатся не на хлебопашестве. Какою слабою притягательною силой обладает здешняя земля, видно уже из того, что здесь почти совсем нет хозяев-старожилов. Из тех, которые сели на участок в 1881 г., не осталось ни одного; с 1882 г. сидят только 6, с 1883 г. — 4, с 1884 г. — 13, с 1885 г. — 68. Значит, остальные 207 хозяев сели после 1885 г. Судя по очень малому числу крестьян — их только 19, — нужно заключить, что каждый хозяин сидит на участке столько времени, сколько нужно ему для получения крестьянских прав, то есть права бросить хозяйство и уехать на материк.

Вопрос, на какие средства существует население Александровска, до сих пор остается для меня не вполне решенным. Допустим, что хозяева со своими женами и детьми, как ирландцы, питаются одним картофелем и что им хватает его на круглый год; но что едят те 241

поселенец и 358 каторжных обоего пола, которые проживают в избах в качестве сожителей, сожительниц, жильцов и работников? Правда, почти половина населения получает пособие от казны в виде арестантских пайков и детских кормовых. Есть и заработки. Более ста человек заняты в казенных мастерских и в канцеляриях. У меня отмечено на карточках немало мастеров, без которых не обойтись в городе: столяры, обойщики, ювелиры, часовые мастера, портные и т. п. В Александровске за поделки из дерева и металлов платят очень дорого, а давать «на чай» не принято меньше рубля. Но чтобы изо дня в день вести городскую жизнь, достаточно ли арестантских пайков и мелких заработков, очень жалких? У мастеров предложение несоизмеримо превышает спрос, а чернорабочие, например плотники, работают за 10 коп. в день на своих харчах. Население здесь перебивается кое-как, но оно тем не менее все-таки каждый день пьет чай, курит турецкий табак, ходит в вольном платье, платит за квартиры; оно покупает дома у крестьян, отъезжающих на материк, и строит новые. Около него бойко торгуют лавочки, и наживают десятки тысяч разные кулаки, выходящие из арестантской среды.

Тут много неясного, и я остановился на предположениях, что в Александровске поселяются большею частью те, которые приезжают сюда из России с деньгами, и что для населения большим подспорьем в жизни служат нелегальные средства. Покупка арестантских вещей и сбыт их большими партиями в Николаевск, эксплуатация инородцев и новичков-арестантов, тайная торговля спиртом, дача денег в ссуду за очень высокие проценты, азартная игра в карты на большие куши – этим занимаются мужчины. А женщины, ссыльные и свободные, добровольно пришедшие за мужьями, промышляют развратом. Когда одну женщину свободного состояния спросили на следствии, откуда у нее деньги, она ответила: «Заработала своим телом».

Всех семей 332: из них законных 185 и свободных 147. Сравнительно большое количество семейных объясняется не какими-либо особенностями хозяйств, располагающими к семейной, домовитой жизни, а случайностями: легкомыслием местной администрации, сажающей семейных на участки в Александровске, а не в более подходящем для этого месте, и тою сравнительною легкостью, с какою здешний поселенец, благодаря своей близости к начальству и тюрьме, получает женщину. Если жизнь возникла и течет не обычным естественным порядком, а искусственно, и если рост ее зависит не столько от естественных и экономических условий, сколько от теорий и произвола отдельных лиц, то подобные случайности подчиняют ее себе существенно и неизбежно и становятся для этой искусственной жизни как бы законами.

V

Александровская ссыльнокааторжная тюрьма. – Общие камеры. – Кандалынные. – Золотая Ручка. – Отхожие места. – Майдан. – Каторжные работы в Александровске. – Прислуга. – Мастерские

В Александровской ссыльнокааторжной тюрьме я был вскоре после приезда¹⁵. Это большой четырехугольный двор, огороженный шестью деревянными бараками казарменного типа и забором между ними. Ворота всегда открыты, и около них ходит часовая. Двор чисто подметен; на нем нигде не видно ни камней, ни мусора, ни отбросов, ни луж от помоев. Эта примерная чистота производит хорошее впечатление.

Двери у всех корпусов открыты настежь. Я вхожу в одну из дверей. Небольшой коридор. Направо и налево двери, ведущие в общие камеры. Над дверями черные дощечки с белыми надписями: «Казарма № такой-то. Кубического содержания воздуха столько-то. Помещается каторжных столько-то». Прямо в тупике коридора тоже дверь, ведущая в небольшую каморку: здесь два политических, в расстегнутых жилетках и в чирках на босую ногу, торопливо мнут перину, набитую соломой; на подоконнике книжка и кусок черного хлеба. Сопровождающий меня начальник округа объясняет мне, что этим двум арестантам было разрешено жить вне тюрьмы, но они, не желая отличаться от других каторжных, не воспользовались этим разрешением.

– Смирно! Встать! – раздается крик надзирателя.

Входим в камеру. Помещение на вид просторное, вместимостью около 200 куб. саж. Много света, окна открыты. Стены некрашенные, занозистые, с паклею между бревен, темные; белы одни только голландские печи. Пол деревянный, некрашенный, совершенно сухой. Вдоль всей камеры по середине ее тянется одна сплошная нара, со скатом на обе стороны, так что каторжные спят в два ряда, причем головы одного ряда обращены к головам другого. Места для каторжных не нумерованы, ничем не отделены одно от другого, и потому на нарах можно поместить 70 человек и 170. Постелей совсем нет. Спят на жестком или подстилают под себя старые драные мешки, свою одежду и всякое гнилье, чрезвычайно непривлекательное на вид. На нарах лежат шапки, обувь, кусочки хлеба, пустые бутылки из-под молока, заткнутые бумагой или тряпкой, сапожные колодки; под нарами сундучки, грязные мешки, узлы, инструменты и разная ветошь. Около нар прогуливается сытая кошка. На стенах одежда, котелки, инструменты, на полках чайники, хлеб, ящички с чем-то.

На Сахалине свободные при входе в казармы не снимают шапок. Эта вежливость обязательна только для ссыльных. Мы в шапках ходим около нар, а арестанты стоят руки по швам и молча глядят на нас. Мы тоже молчим и глядим на них, и похоже на то, как будто мы пришли покупать их. Мы идем дальше, в другие камеры, и здесь та же ужасная нищета, которой так же трудно спрятаться под лохмотьями, как мухе под увеличительным стеклом, та же сарайная жизнь, в полном смысле нигилистическая, отрицающая собственность, одиночество, удобства, покойный сон.

Арестанты, живущие в Александровской тюрьме, пользуются относительной свободой; они не носят кандалов, могут выходить из тюрьмы в продолжение дня куда угодно, без конвоя, не соблюдают однообразия в одежде, а носят что придется, судя по погоде и работе. Подследственные, недавно возвращенные с бегов и временно арестованные по какому-либо случаю, сидят под замком в особом корпусе, который называется «кандалной». Самая употребитель-

---

¹⁵ Лучшая характеристика русских тюрем вообще сделана Н. В. Муравьевым в его статье «Наши тюрьмы и тюремный вопрос» («Русский вестник», 1878 г., кн. IV). О сибирских тюрьмах, послуживших прототипом для сахалинских, см. исследование С. В. Максимова «Сибирь и каторга».

ная угроза на Сахалине такая: «Я посажу тебя в кандальную». Вход в это страшное место стерегут надзиратели, и один из них рапортует нам, что в кандалной все обстоит благополучно.

Гремит висячий замок, громадный, неуклюжий, точно купленный у антиквария, и мы входим в небольшую камеру, где на этот раз помещается человек 20, недавно возвращенных с бегов. Оборванные, немытые, в кандалах, в безобразной обуви, перепутанной тряпками и веревками; одна половина головы разлохмачена, другая, бритая, уже начинает зарастать. Все они отошдали и словно облезли, но глядят бодро. Постелей нет, спят на голых нарах. В углу стоит «парашка»; каждый может совершать свои естественные надобности не иначе как в присутствии 20 свидетелей. Один просит, чтобы его отпустили, и клянется, что уж больше не будет бегать; другой просит, чтобы сняли с него кандалы; третий жалуется, что ему дают мало хлеба.

Есть камеры, где сидят по двое и по трое, есть одиночные. Тут встречается немало интересных людей.

Из сидящих в одиночных камерах особенно обращает на себя внимание известная Софья Блювштейн – Золотая Ручка, осужденная за побег из Сибири в каторжные работы на три года. Это маленькая, худенькая, уже седеющая женщина с помятым, старушечьим лицом. На руках у нее кандалы; на нарах одна только шубейка из серой овчины, которая служит ей и теплою одеждой и постелью. Она ходит по своей камере из угла в угол, и кажется, что она все время нюхает воздух, как мышь в мышеловке, и выражение лица у нее мышинное. Глядя на нее, не верится, что еще недавно она была красива до такой степени, что очаровывала своих тюремщиков, как, например, в Смоленске, где надзиратель помог ей бежать и сам бежал вместе с нею. На Сахалине она в первое время, как и все присылаемые сюда женщины, жила вне тюрьмы, на вольной квартире; она пробовала бежать и нарядилась для этого солдатом, но была задержана. Пока она находилась на воле, в Александровском посту было совершено несколько преступлений: убили лавочника Никитина, украли у поселенца еврея Юровского 56 тысяч. Во всех этих преступлениях Золотая Ручка подозревается и обвиняется как прямая участница или пособница. Местная следственная власть запутала ее и самое себя такою густою проволокой всяких несообразностей и ошибок, что из дела ее решительно ничего нельзя понять. Как бы то ни было, 56 тысяч еще не найдены и служат пока сюжетом для самых разнообразных фантастических рассказов.

О кухне, где при мне готовился обед для 900 человек, о провизии и о том, как едят арестанты, я буду говорить в особой главе. Теперь же скажу несколько слов об отхожем месте. Как известно, это удобство у громадного большинства русских людей находится в полном презрении. В деревнях отхожих мест совсем нет. В монастырях, на ярмарках, в постоянных дворах и на всякого рода промыслах, где еще не установлен санитарный надзор, они отвратительны в высшей степени. Презрение к отхожему месту русский человек приносит с собой и в Сибирь. Из истории каторги видно, что отхожие места всюду в тюрьмах служили источником удушливого смрада и заразы и что население тюрем и администрация легко мирились с этим. В 1872 г. на Каре, как писал г. Власов в своем отчете, при одной из казарм совсем не было отхожего места, и преступники выводились для естественной надобности на площадь, и это делалось не по желанию каждого из них, а в то время, когда собиралось несколько человек. И таких примеров я мог бы привести сотню. В Александровской тюрьме отхожее место, обыкновенная выгребная яма, помещается в тюремном дворе в отдельной пристройке между казармами. Видно, что при устройстве его прежде всего старались, чтоб оно обошлось возможно дешевле, но все-таки сравнительно с прошлым замечается значительный прогресс. По крайней мере оно не возбуждает отвращения. Помещение холодное и вентилируется деревянными трубами. Стойчаки устроены вдоль стен; на них нельзя стоять, а можно только сидеть, и это главным образом спасает здесь отхожее место от грязи и сырости. Дурной запах есть, но незначительный, маскируемый обычными снадобьями, вроде дегтя и карболки. Отперто отхожее место не

только днем, но и ночью, и эта простая мера делает ненужными параша; последние ставятся теперь только в кандальной.

Около тюрьмы есть колодец, и по нему можно судить о высоте почвенной воды. Вследствие особого строения здешней почвы почвенная вода даже на кладбище, которое расположено на горе у моря, стоит так высоко, что я в сухую погоду видел могилы, наполовину заполненные водою. Почва около тюрьмы и во всем посту дренирована канавами, но недостаточно глубокими, и от сырости тюрьма совсем не обеспечена.

В хорошую теплую погоду, которая здесь бывает не часто, тюрьма вентилируется превосходно: окна и двери открываются настежь, и арестанты большую часть дня проводят на дворе или далеко вне тюрьмы. Зимой же и в дурную погоду, то есть в среднем почти 10 месяцев в году, приходится довольствоваться только форточками и печами. Лиственный и еловый лес, из которого сделаны тюрьма и ее фундамент, представляет хорошую естественную вентиляцию, но ненадежную; вследствие большой влажности сахалинского воздуха и изобилия дождей, а также испарений, идущих изнутри, в порах дерева скопится вода, которая зимой замерзает. Тюрьма вентилируется слабо, а между тем на каждого ее обитателя приходится не много воздуха. У меня в дневнике записано: «Казарма № 9. Кубического содержания воздуха 187 саж. Помещается каторжных 65». Это в летнее время, когда ночует в тюрьме только половина всех каторжных. А вот цифры из медицинского отчета за 1888 г.: «Кубическая вместимость арестантских помещений в Александровской тюрьме 970 саж.; числилось арестантов: наибольшее 1950, наименьшее 1623, среднее годовое 1785; помещалось на ночлег 740; приходилось на одного человека воздуха 1,31 саж.». Наименьшее скопление каторжных в тюрьме бывает в летние месяцы, когда они командированы в округ на дорожные и полевые работы, и наибольшее – осенью, когда они возвращаются с работ и «Доброволец» привозит новую партию в 400–500 человек, которые живут в Александровской тюрьме впредь до распределения их по остальным тюрьмам. Значит, меньше всего воздуха приходится на каждого арестанта именно в то время, когда вентиляция бывает наименее действительна.

С работ, производимых чаще в ненастную погоду, каторжный возвращается в тюрьму на ночлег в промокшем платье и в грязной обуви; просушиться ему негде; часть одежды развешивает он около нар, другую, не дав ей просохнуть, подстилает под себя вместо постели. Тулуп его издает запах овчины, обувь пахнет кожей и дегтем. Его белье, пропитанное насквозь кожными отделениями, не просушенное и давно не мытое, перемешанное со старыми мешками и гниющими обносками, его портянки с удушливым запахом пота, сам он, давно не бывший в бане, полный вшей, курящий дешевый табак, постоянно страдающий метеоризмом; его хлеб, мясо, соленая рыба, которую он часто вялит тут же в тюрьме, крошки, кусочки, косточки, остатки щей в котелке; клопы, которых он давит пальцами тут же на нарах, – все это делает казарменный воздух вонючим, промозглым, кислым: он насыщается водяными парами до крайней степени, так что во время сильных морозов окна к утру покрываются изнутри слоем льда и в казарме становится темно; сероводород, аммиачные и всякие другие соединения мешаются в воздухе с водяными парами, и происходит то самое, от чего, по словам надзирателей, «душу воротит».

При системе общих камер соблюдение чистоты в тюрьме невозможно, и гигиена никогда не выйдет здесь из той тесной рамки, какую ограничили для нее сахалинский климат и рабочая обстановка каторжного, и какими бы благими намерениями ни была проникнута администрация, она будет бессильна и никогда не избавится от нареканий. Надо или признать общие камеры уже отжившими и заменить их жилищами иного типа, что уже отчасти и делается, так как многие каторжные живут не в тюрьме, а в избах, или же мириться с нечистотой как с неизбежным, необходимым злом, и измерения испорченного воздуха кубическими саженями предоставить тем, кто в гигиене видит одну только пустую формальность.

В пользу системы общих камер, я думаю, едва ли можно сказать что-нибудь хорошее. Люди, живущие в тюремной общей камере, – это не община, не артель, налагающая на своих членов обязанности, а шайка, освобождающая их от всяких обязанностей по отношению к месту, соседу и предмету. Приказывать каторжному, чтобы он не приносил на ногах грязи и навоза, не плевал бы на пол и не разводил клопов – дело невозможное. Если в камере вонь или нет никому житья от воровства, или поют грязные песни, то виноваты в этом все, то есть никто. Я спрашиваю каторжного, бывшего почетного гражданина: «Почему вы так неопрятны?» Он мне отвечает: «Потому что моя опрятность была бы здесь бесполезна». И в самом деле, какую цену может иметь для каторжного собственная его чистоплотность, если завтра приведут новую партию и положат с ним бок о бок соседа, от которого ползут во все стороны насекомые и идет душливый запах?

Общая камера не дает преступнику одиночества, необходимого ему хотя бы для молитвы, для размышлений и того углубления в самого себя, которое считают для него обязательным все сторонники исправительных целей. Свирепая картежная игра с разрешения подкупленных надзирателей, ругань, смех, болтовня, хлопанье дверями, а в кандалной звон оков, продолжающиеся всю ночь, мешают утомленному рабочему спать, раздражают его, что, конечно, не остается без дурного влияния на его питание и психику. Стадная сарайная жизнь с ее грубыми развлечениями, с неизбежным воздействием дурных на хороших, как это давно уже признано, действует на нравственность преступника самым растлевающим образом. Она отучает его мало-помалу от домовитости, то есть того самого качества, которое нужно беречь в каторжном больше всего, так как по выходе из тюрьмы он становится самостоятельным членом колонии, где с первого же дня требуют от него, на основании закона и под угрозой наказания, чтобы он был хорошим хозяином и добрым семьянином.

В общих камерах приходится терпеть и оправдывать такие безобразные явления, как ябедничество, наушничество, самосуд, кулачество. Последнее находит здесь выражение в так называемых майданах, перешедших сюда из Сибири. Арестант, имеющий и любящий деньги и пришедший из-за них на каторгу, кулак, скопидом и мошенник, берет на откуп у товарищей-каторжных право монопольной торговли в казарме, и если место бойкое и многолюдное, то арендная плата, поступающая в пользу арестантов, может простираться даже до нескольких сотен рублей в год. Майданщик, то есть хозяин майдана, официально называется парашечником, так как берет на себя обязанность выносить из камер параша, если они есть, и следить за чистотой. На наре его обыкновенно стоит сундучок аршина в полтора, зеленый или коричневый, около него и под ним разложены кусочки сахара, белые хлебцы, величиною с кулак, папиросы, бутылки с молоком и еще какие-то товары, завернутые в бумажки и грязные тряпочки¹⁶.

Под смиренными кусочками сахара и булками прячется зло, которое распространяет свое влияние далеко за пределы тюрьмы. Майдан – это игорный дом, маленькое Монте-Карло, развивающее в арестанте заразительную страсть к штоссу и другим азартным играм. Около майдана и карт непременно ютится всегда готовое к услугам ростовщичество, жестокое и неумолимое. Тюремные ростовщики берут по 10 % в день и даже за один час; не выкупленный в течение дня заклад поступает в собственность ростовщика. Отбыв свой срок, майданщики и ростовщики выходят на поселение, где не оставляют своей прибыльной деятельности, и поэтому нечего удивляться, что на Сахалине есть поселенцы, у которых можно украсть 56 тысяч.

Летом 1890 г., в бытность мою на Сахалине, при Александровской тюрьме числилось более двух тысяч каторжных, но в тюрьме жило только около 900. Вот цифры, взятые наудачу: в начале лета, 3 мая 1890 г., довольствовались из котла и ночевало в тюрьме 1279, в конце

¹⁶ Пачка из 9-10 папирос стоит 1 коп., белая булочка 2 коп., бутылка молока 8-10, кусочек сахара 2 коп. Продажа производится на наличные, в долг и в обмен на вещи. Майдан продает также водку, карты, свечные огарки для игры в ночное время – это негласно. Карты дает и напрокат.

лета, 29 сентября, 675 человек. Что касается каторжных работ, производимых в самом Александровске, то здесь приходится наблюдать, главным образом, строительные и всякие хозяйственные работы: возведение новых построек, ремонт старых, содержание на городской манер улиц, площадей и проч. Самыми тяжкими считаются плотницкие работы. Арестант, бывший на родине плотником, несет здесь настоящую каторгу, и в этом отношении он гораздо несчастливее маляра или кровельщика. Вся тягость работы не в самой постройке, а в том, что каждое бревно, идущее в дело, каторжный должен притащить из леса, а рубка в настоящее время производится за 8 верст от поста. Летом люди, запряженные в бревно в пол-аршина и толще, а в длину в несколько сажен, производят тяжелое впечатление; выражение их лиц страдальческое, особенно если они, как это я часто наблюдал, уроженцы Кавказа. Зимой же, говорят, они отмораживают себе руки и ноги и часто даже замерзают, не дотащив бревна до поста. Для администрации плотницкие работы представляются тоже нелегкими, потому что людей, способных на систематический тяжелый труд, на Сахалине вообще мало и недостаток работников – явление здесь обычное, хотя каторжные считаются тысячами. Ген. Кононович говорил мне, что затевать здесь новые постройки и строиться очень трудно – людей нет; если достаточно плотников, то некому таскать бревна; если людей ушлют за бревнами, то не хватает плотников. К нелегким работам относятся здесь также обязанности дровотасков, которые каждый день рубят дрова, заготавливают их и под утро, когда еще все спят, топят печи. Чтобы судить о степени напряженности труда, об его тяжести, нужно брать во внимание не одну только затрачиваемую на него мышечную силу, но также условия места и особенности труда, зависящие от этих условий. Сильные морозы зимой и сырость в течение всего года в Александровске ставят чернорабочего в положение иной раз едва выносимое, какого он при той же работе, например при обыкновенной рубке дров, не испытал бы в России. Закон ограничивает труд каторжного «урочным положением», приближая его к обыкновенному крестьянскому и фабричному труду¹⁷; он же предоставляет разные облегчения каторжным разряда исправляющихся; но практика поневоле не всегда соотносится с законом именно в силу местных условий и особенностей труда. Нельзя же ведь определить, сколько часов каторжный должен тащить бревно во время метели, нельзя освободить его от ночных работ, когда последние необходимы, нельзя ведь по закону освободить исправляющегося от работы в праздник, если он, например, работает в угольной яме вместе с испытуемым, так как тогда бы пришлось освободить обоих и прекратить работу. Часто от того, что работами заведуют люди некомпетентные, неспособные и неловкие, затрачивается на работы больше напряжения, чем бы следовало. Например, нагрузка и выгрузка пароходов, не требующие в России от рабочего исключительного напряжения сил, в Александровске часто представляются для людей истинным мучением; особенной команды, подготовленной и выученной специально для работ на море, нет; каждый раз берутся все новые люди, и оттого случается нередко наблюдать во время волнения страшный беспорядок; на пароходе бранятся, выходят из себя, а внизу, на баржах, бьющихся о пароход, стоят и лежат люди с зелеными, искривленными лицами, страдающие от морской болезни, а около барж плавают утерянные весла. Благодаря этому работа затягивается, время пропадает даром и люди терпят ненужные мучения. Однажды во время выгрузки парохода я слышал, как смотритель тюрьмы сказал: «У меня люди целый день не ели».

Немало каторжного труда затрачивается на удовлетворение потребностей тюрьмы. В тюрьме каждый день работают кашевары, хлебопеки, портные, сапожники, водоносы, поломойки, дневальные, скотники и т. п. Каторжным трудом пользуются также военное и телеграф-

¹⁷ «Урочное положение для строительных работ, высочайше утвержденное 17 апреля 1869 г.», Петербург, 1887 г. По этому положению при определении на разного рода работы принимаются в основание: физические силы рабочего и степень навыка к работе. Положение определяет также число рабочих часов в день, сообразно временам года и полосам России. Сахалин отнесен к средней полосе России. Максимум рабочих часов – 12¹/₂ в сутки – приходится на май, июнь и июль, а минимум – 7 час. – на декабрь и январь.

ное ведомства, землемер; около 50 человек прикомандировано к тюремному лазарету, неизвестно в качестве кого и для чего, и не сочтешь тех, которые находятся в услужении у гг. чиновников. Каждый чиновник, даже состоящий в чине канцелярского служителя, насколько я мог убедиться, может брать себе неограниченное количество прислуги. Доктор, у которого я квартировал, живший сам-друг с сыном, имел повара, дворника, кухарку и горничную. Для младшего тюремного врача это очень роскошно. У одного смотрителя тюрьмы было 8 человек штатной прислуги: швея, сапожник, горничная, лакей, он же рассыльный, нянька, прачка, повар, поломойка. Вопрос о прислуге на Сахалине – обидный и грустный вопрос, как, вероятно, везде на каторге, и не новый. В своем «Кратком очерке неустройств, существующих на каторге» Власов писал, что в 1871 г., когда он прибыл на остров, его «прежде всего поразило то обстоятельство, что каторжные с разрешения бывшего генерал-губернатора составляют прислугу начальника и офицеров». Женщины, по его словам, раздавались в услуги лицам управления, не исключая и холостых надзирателей. В 1872 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Синельников запретил отдачу преступников в услужение. Но это запрещение, имеющее силу закона и до настоящего времени, обходится самым бесцеремонным образом. Коллежский регистратор записывает на себя полдюжины прислуги, и когда отправляется на пикник, то посылает вперед с провизией десятков каторжных. Начальники острова гг. Гинце и Кононович боролись с этим злом, но недостаточно энергично; по крайней мере я нашел только три приказа, относящихся к вопросу о прислуге, и таких, которые человек заинтересованный мог широко толковать в свою пользу. Генерал Гинце, как бы в отмену генерал-губернаторского предписания, разрешил в 1885 г. (приказ № 95) чиновникам брать себе в прислуги ссыльнокаторжных женщин с платою по два рубля в месяц, и чтобы деньги были обращаемы в казну. Генерал Кононович в 1888 г. отменил приказ своего предшественника, определив: «ссыльнокаторжных, как мужчин, так и женщин, в прислугу к чиновникам не назначать и платы за женщин никакой не взыскивать. А так как казенные здания и службы при них не могут оставаться без надзора и без удовлетворения, то к каждому таковому зданию разрешаю назначать потребное число мужчин и женщин, показывая их по наряду по этим назначениям как сторожей, дровотасков, поломоек и проч., смотря по потребности» (приказ № 276). Но так как казенные здания и службы при них в громадном большинстве составляют не что иное, как квартиры чиновников, то этот приказ понимается как разрешение иметь каторжную прислугу, и притом бесплатную. Во всяком случае, в 1890 г., когда я был на Сахалине, все чиновники, даже не имеющие никакого отношения к тюремному ведомству (например, начальник почтово-телеграфной конторы), пользовались каторжными для своего домашнего обихода в самых широких размерах, причем жалованья этой прислуге они не платили, и кормилась она на счет казны.

Отдача каторжных в услужение частным лицам находится в полном противоречии со взглядом законодателя на наказание: это – не каторга, а крепостничество, так как каторжный служит не государству, а лицу, которому нет никакого дела до исправительных целей или до идеи равномерности наказания; он – не ссыльнокаторжный, а раб, зависящий от воли барина и его семьи, угождающий их прихотям, участвующий в кухонных дрызгах. Становясь поселенцем, он является в колонии повторением нашего дворового человека, умеющего чистить сапоги и жарить котлеты, но неспособного к земледельческому труду, а потому и голодного, брошенного на произвол судьбы. Отдача же в услужение каторжных женщин, кроме всего этого, имеет еще свои специальные неудобства. Не говоря уже о том, что в среде подневольных фавориты и содержанки вносят всегда струю чего-то подлого, в высшей степени унижительного для человеческого достоинства, они, в частности, совершенно коверкают дисциплину. Мне один из священников рассказывал, что бывали случаи на Сахалине, когда женщина свободного состояния

или солдат, будучи в прислугах, должны были при известных обстоятельствах убирать и выносить после каторжной¹⁸.

То, что в Александровске с важностью зовется «заводскою промышленностью», с внешней стороны обставлено красиво и шумно, но не имеет пока серьезного значения. В литейной мастерской, которую заведует механик-самоучка, я видел колокола, вагонные и тачечные колеса, ручную мельницу, машинку для ажурной работы, краны, приборы для печей и т. п., но все это производит игрушечное впечатление. Вещи прекрасны, но ведь сбыта нет никакого, а для местных надобностей было бы выгоднее приобретать их на материке или в Одессе, чем заводить свои локомобили и целый штат платных рабочих. Конечно, не было бы жаль никаких затрат, если бы мастерские здесь были школами, где каторжные учились бы мастерствам; на самом же деле, в литейной и слесарной работают не каторжные, а опытные мастера-поселенцы, состоящие на положении младших надзирателей, с жалованьем по 18 руб. в месяц. Здесь слишком заметно увлечение вещью; гремят колеса и молот, и свистят локомобили только во имя качества вещи и сбыта ее; коммерческие и художественные соображения не имеют здесь никакого отношения к наказанию, а между тем на Сахалине, как и везде на каторге, всякое предприятие должно иметь своею ближайшею и отдаленною целью только одно – исправление преступника, и здешние мастерские должны стремиться к тому, чтобы сбывать на материк прежде всего не печные дверцы и не краны, а полезных людей и хорошо подготовленных мастеров.

Паровая мельница, лесопильня и кузница содержатся в отличном порядке. Люди работают весело потому, вероятно, что сознают производительность труда. Но и здесь работают главным образом специалисты, которые уже на родине были мельниками, кузнецами и проч., а не те, которые, живя на родине, не умели работать, ничего не знали и теперь больше чем кто-либо нуждаются в мельницах и кузницах, где бы их обучили и поставили на ноги¹⁹.

---

¹⁸ Власов в своем отчете пишет: «Такое странное отношение лиц: офицера, каторжной в качестве его любовницы и солдата в роли ее кучера, – не может не вызвать удивления и сожаления». Говорят, что это зло допускается только ввиду невозможности иметь прислугу из лиц свободного состояния. Но это неправда. Во-первых, возможно ограничить количество прислуги; ведь находят же возможным офицеры иметь только по одному денщику. Во-вторых, чиновники здесь, на Сахалине, получают хорошее жалованье и могут нанимать себе прислугу из среды поселенцев, крестьян из ссыльных и женщин свободного состояния, которые в большинстве случаев нуждаются и потому не отказались бы от заработка. Мысль эта приходила, вероятно, и начальству, так как есть приказ, в котором одной поселке, как неспособной к земледельческому труду, разрешалось «приобретать средства к существованию наймом в прислугу у гг. чиновников» (приказ № 44, 1889 г.).

¹⁹ Мельница и слесарная находятся в одном здании и получают приводы от двух локомобилей. В мельнице четыре постава с размолом в 1500 п. в день. В лесопильне работает старый локомобиль, привезенный сюда еще кн. Шаховским; его топят опилками. В кузнице производится работа день и ночь, в две смены, работает шесть горнов. Всего занято в мастерской 105 человек. Каторжные в Александровске занимаются также добычей угля, но это дело едва ли будет иметь когда-нибудь успех. Уголь из местных копей гораздо хуже дуйского: он грязнее на вид и смешан со сланцем. Обходится он здесь не дешево, так как в шахтах работает постоянный штат рабочих под наблюдением особого горного инженера. Существование местных копей не вызывается необходимостью, так как до Дуэ недалеко и оттуда во всякое время можно получать превосходный уголь. Открыты они, впрочем, с доброю целью – дать в будущем заработок поселенцам.

VI

РАССКАЗ ЕГОРА

Доктор, у которого я квартировал, уехал на материк вскоре после увольнения от службы, и я поселился у одного молодого чиновника, очень хорошего человека. У него была только одна прислуга, старуха-хохлушка, каторжная, и изредка, этак раз в день, навещался к нему каторжный Егор, дровотаск, который прислугою его не считался, но «из уважения» приносил дров, убирал помои на кухне и вообще исполнял обязанности, которые были не под силу старушке. Бывало, сидишь и читаешь или пищешь что-нибудь, и вдруг слышишь какой-то шорох и пыхтение, и что-то тяжелое ворочается под столом около ног; взглянешь – это Егор, босой, собирает под столом бумажки или вытирает пыль. Ему лет под сорок, и представляет он из себя человека неуклюжего, неповоротливого, как говорится, увальня, с простодушным, на первый взгляд глуповатым лицом и с широким, как у налима, ртом. Он рыжий, борода у него жидкая, глаза маленькие. На вопрос он сразу не отвечает, а сначала искоса посмотрит и спросит: «Чаво?» или «Кого ты?» Величает вашим высокоблагородием, но говорит *ты*. Он не может сидеть без работы ни одной минуты и находит ее всюду, куда бы ни пришел. Говорит с вами, а сам ищет глазами, нет ли чего убрать или починить. Он спит два-три часа в сутки, потому что ему некогда спать. В праздники он обыкновенно стоит где-нибудь на перекрестке, в пиджаке поверх красной рубахи, выпятив вперед живот и расставив ноги. Это называется «гулять».

Здесь, на каторге, он сам построил себе избу, делает ведра, столы, неуклюжие шкапы. Умеет делать всякую мебель, но только «про себя», то есть для собственной надобности. Сам никогда не дрался и бит не бывал; только когда-то в детстве отец высек его за то, что горох стерег и петуха впустил.

Однажды у меня с ним происходил такой разговор:

– За что тебя сюда прислали? – спросил я.

– Чаво ты говоришь, ваше высокоблагородие?

– За что тебя прислали на Сахалин?

– За убийство.

– Ты Расскажи мне с самого начала, как было дело.

Егор стал у косяка, заложил назад руки и начал:

– Ходили мы к барину Владимиру Михайлычу, рядились о дровах, о пилке и поставке на станцию. Хорошо. Порядились и пошли домой. Этак не далеко отошедши от села, послал меня народ в контору с условием – засвидетельствовать. Я был на лошади. По дороге к конторе Андрюха воротил меня: был большой разлив, нельзя было проехать. «Завтра, говорит, я поеду в контору об земле своей рендовой и это условие засвидетельствую». Ладно. Отсюда пошли мы вместе: я на лошади, а кумпания пешком. Дошли мы до Парахина. Мужики зашли закуривать к кабаку, мы с Андрюхой сзади остались на тротуаре около трактира. Он и говорит: «Нет ли у тебя, братко, пяточка? Выпить, говорит, хотню». А я ему: «Да ты, брат, говорю, такой человек: зайдешь выпить за пяточок, да тут и запьянничаешь». А он говорит: «Нет, не буду, выпью, да и пойду домой». Подошли к мужикам, сговорили на четверть, собрали на четверть, в кабаке зашли, четверть водки купили. Сели за стол пить.

– Ты покороче, – замечаю я.

– Постой, не перебивай, ваше высокоблагородие. Роспили мы эту водку, вот он, Андрюха то есть, еще взял перцовки сороковку. По стакану налил себе и мне. Мы по стакану вместе с ним и выпили. Ну, вот, тут пошли весь народ домой из кабака, и мы с ним сзади пошли

тоже. Меня переломило верхом-то ехать, я слез и сел тут на бережку. Я песни пел да шутил. Разговору не было худого. Потом этого встали и пошли.

– Ты Расскажи мне про убийство, – перебиваю я.

– Постой. Дома я лег и спал до утрия, пока не разбудили: «Ступай, кто из вас побил Андрея?» Тут уж и Андрея привезли, и урядник приехал. Урядник стал допрашивать нас всех, никто мы не признаемся к этому делу. А Андрей еще живой был и говорит: «Ты, Сергуха, ударил меня стягом, а больше я ничего не помню». Сергуха не признается. Мы все так и думали, что Сергуха, и начали глядеть за ним, чтобы не сделал себе чего. Через сутки Андрей помер. Сергея и подучи там свои, сестра да тесть: «Ты, Сергей, не отпирайся, тебе все равно. Признавайся да подтягивай, кого ближе захватил. Тебе влечота будет». Как только что помер Андрей, мы весь народ и собрались к старосте и Сергея оповестили. Сергея допрашиваем, а он не признается. Потом пустили его к себе ночевать в свой дом. Некоторые его здесь стерегли, не сделал бы себе чего. У него тут ружьишко было. Опасно. Поутру хватились – его нет, тут соскорили у него обыск делать, и по деревне искали, и в поле бегали, искали его. Потом уж пришли из стану и объявили, что Сергей уже там. Тут нас начали забирать. А Сергей, знаешь, прямо к становому да к уряднику, на коленки стал и говорит на нас, что Ефремовы дети уже года три нанимали побить Андрюху. «Дорогой, говорит, шли мы втроем – Иван, да Егор, да я – и сговорились вместе побить. Я, говорит, корчевочкой ударил Андрюху, а Иван да Егор схватились бить его, а я испужался да назад, говорит, побежал, за задними мужиками». Потом нас – Ивана, Киршу, меня и Сергея – забрали и в тюрьму в город.

– А кто такие Иван и Кирша?

– Братья мои родные. В тюрьму пришел купец Петр Михайлыч и взял нас на поруки. И были на поруках у него до Покрова. Жили мы хорошо, сохранны. На другой день Покрова нас судили в городе. У Кирши были свидетели – задние мужики выправили, а меня так, брат, и влопало. Я на суде говорил то, что тебе вот рассказываю, как есть, а суд не верит: «Тут все так говорят и глаза крестят, а все неправда». Ну, осудили, да в острог. В остроге жили под замком, но только был я парашечником, подметал камеры и обед подносил. Давали мне за это каждый по пайку хлеба в месяц. Фунта три будет с человека. Как слышали выход, телеграмму домой послали. Перед Николой было дело. Женка и брат Кирша приехали нас проведать и кое-чего тут привезли из платья, да и еще кое-чего... Женка плакала-выла, да ничего не поделаешь. Как поехала, я ей туда домой два пайка хлеба дал в гостинцы. Поплакали и поклон послали детям и всем крещеным. Дорогой мы были скованы нарушнями. По два человека шли. Я шел с Иваном. В Новгороде с нас карточки снимали, тут заковали нас и головы брили. Потом в Москву погнали. В Москве, когда сидели, на помилование прошение посылали. Как ехал в Одессу, не помню. Хорошо ехал. В Одессе нас выспрашивали в докторской, скидывали одежду всю, оглядывали. Потом собрали нас и погнали на пароход. Тут казаки и солдаты нас рядом вели по ступенькам и посадили нас в нутро. Сидим на нарах, да и все. Всяк на свое место. На верхней наре пять человек нас сидело. Сперва мы не понимали, а потом говорят: «Поехали, поехали!» Ехали, ехали, а потом начало качать. Жар такой, голые стояли народ. Кто блевал, а другой – ничего. Тут, конечно, больше лежали. А шторм горазд был. Во все стороны кидало. Ехали, ехали, потом и наехали. Нас так и толкнуло. День туманный. Сталось темно. Как толкнуло, и установилось, качается, знаешь, на скалах; думали, что рыбина это качает под низом, ворочает пароход²⁰. Наперед дергали, дергали – не сдернуть, да назад зачали дергать. Назад стали дергать, посередке и проломило снизу. Начали парусом дыру затягивать; затягивали, затягивали – ничего способу нет. Вода накопилась до самого полу, где народ сидит, и стала под народ выходить вода на пол. Народ просит: «Не дайте погибнуть, ваше благородие!» И он сперва: «Не ломитесь, не проситесь, не дам погибнуть ничего». Потом стало накопляться под нижние нары.

²⁰ Речь идет о крушении «Костромы» у западного берега Сахалина в 1887 г.

Крещенные стали проситься да ломиться. Барин и говорит: «Ну, ребята, выпущу вас, только чтоб не бунтовать, а нет – всех перестреляю». Потом выпустил. Сделали богомоление, чтобы Господь умирил, не погибнуть бы. Молились на коленках. После богомоления выдавали нам галеты, сахар, и море засмирилось. На другой день стали вывозить народ на баржах на берег.

На берегу было богомоление. Потом нас перегрузили на другое судно, турецкое²¹, и привезли сюда, в Александровск. Сняли нас засветло на пристань, да тут долго нас продержали, и отправились мы с пристани уже в потемушках. Крещенные так плетнем и шли, а тут еще навалилась куриная слепота. Друг за дружку держатся; кто видит, а кто и нет – вот и цеплялись. Я за собой десяток крещеных вел. Пригнали в тюрьму на двор и стали разбирать по казармам, кого куда. Ужинали перед сном, что было у кого, а утром нам начали выдавать, что следует. Дня два отдыхали, на третий в баню, а на четвертый работать погнали. Перво-наперво копали канавы под здание, где лазарет теперь. Корчевали, обирали, копали и все прочее – этак неделю или две, а может, и с месяц. Потом мы возили бревна из-под Михайловки. Таском таскали версты за три и в груды у моста сваливали. Потом на огород погнали ямы для воды копать. А как наступил сенокос, стали собирать крещеных: спрашивают, кто косить умеет, – ну, кто признавался, того и писали. Выдали нам на всю артель хлеб, крупу, мясо и погнали с надзирателем на сенокос в Армуданы. Жил я ничего, Бог здоровья давал, и косил я хорошо. Других надзиратель колотил, а я дурного слова не слыхивал. Ругается только народ, зачем бойко идешь, – ну, да ничего. В свободное время или когда дождь, я плел себе ступни. Люди спать с работы, а я сижу да плету. Ступни продавал, две порции говядины за ступни, а это четыре копейки стоит. Сенокос выставивши, пошли домой. Домой пришли, сняли нас в тюрьму. Потом взяли меня к поселенцу Сашке на Михайловку в работники. У Сашки я делал все по крестьянской работе: жал, убирал, молотил, картошку копал, а Сашка за меня в козну бревна возил. Ели все свое, что получали из козны. Отработал я два месяца и четыре дня. Обещал Сашка денег, да не дал ничего. Только и дал, что пуд картошки. Привез меня Сашка в тюрьму и сдал. Выдали мне топор и веревку – дрова таскать. Семь печей отоплял. Я в юрте жил, за камарщика воду носил и подметал. У татарина-магзы²² майдан сторожил. Как приду с работы, мне он свой майдан уверял, я продавал, а он мне за это 15 копеек в сутки платил. Весной, когда дни стали подолже, я стал плести лапти. Брал по десять копеек. А летом рекой дрова гонял. Накопил я их кучу большую и потом этого продал жиду-банщику. Накопил я также лесу 60 дерев и продал по 15 копеек. Вот и живу помаленьку, как Бог дает. А только, ваше высокоблагородие, разговаривать мне с тобой некогда, надо по воду идти.

- В поселенцы скоро выйдешь?
- Лет через пять.
- Скучаешь по дому?
- Нет. Одно вот только – детей жалко. Глупы.
- Скажи, Егор, о чем ты думал, когда тебя в Одессе на пароход вели?
- Бога молил.
- О чем?
- Чтобы детям ума-разума послал.
- Отчего ты жену и детей не взял с собой на Сахалин?
- Потому что им и дома хорошо.

²¹ Пароход Добровольного флота «Владивосток».

²² Китаец-манза.

VII

Маяк. – Корсаковское. – Коллекция д-ра П. И. Супруненко. – Метеорологическая станция. – Климат Александровского округа. – Ново-Михайловка. – Потемкин. – Экс-палац Терский. – Красный Яр. – Бутаково

Прогулки по Александровску и его окрестностям с почтовым чиновником, автором «Сахалино», оставили во мне приятное воспоминание. Чаще всего мы ходили к маяку, который стоит высоко над долиной, на мысе Жонкиер. Днем маяк, если посмотреть на него снизу, – скромный белый домик с мачтой и с фонарем, ночью же он ярко светит в потемках, и кажется тогда, что каторга глядит на мир своим красным глазом. Дорога к домику поднимается круто, оборачиваясь спиралью вокруг горы, мимо старых лиственниц и елей. Чем выше поднимаешься, тем свободнее дышится; море раскидывается перед глазами, приходят мало-помалу мысли, ничего общего не имеющие ни с тюрьмой, ни с каторгой, ни с ссыльной колонией, и тут только сознаешь, как скучно и трудно живется внизу. Каторжные и поселенцы изо дня в день несут наказание, а свободные от утра до вечера говорят только о том, кого драли, кто бежал, кого поймали и будут драть; и странно, что к этим разговорам и интересам сам привыкаешь в одну неделю и, проснувшись утром, принимаешься прежде всего за печатные генеральские приказы – местную ежедневную газету, и потом целый день слушаешь и говоришь о том, кто бежал, кого подстрелили и т. п. На горе же, в виду моря и красивых оврагов, все это становится донельзя пошло и грубо, как оно и есть на самом деле.

Говорят, что по дороге на маяк когда-то стояли скамьи, но что их вынуждены были убрать, потому что каторжные и поселенцы во время прогулок писали на них и вырезывали ножами грязные пасквили и всякие сальности. Любителей так называемой заборной литературы много и на воле, но на каторге цинизм превосходит всякую меру и не идет в сравнение ни с чем. Здесь не только скамьи и стены задворков, но даже любовные письма отвратительны. Замечательно, что человек пишет и вырезывает на скамье разные мерзости, хотя в то же время чувствует себя потерянным, брошенным, глубоко несчастным. Иной уже старик и толкует, что ему свет постыл и умирать пора, у него жестокий ревматизм и плохо видят глаза, но с каким аппетитом произносит он без передышки извозчицью брань, растянутую в длинную вязь из всяких отборных ругательных слов и вычурную, как заклинание от лихорадки. Если же он грамотен, то в уединенном месте ему бывает трудно подавить в себе задор и удержаться от искушения нацарапать на стене хотя бы ногтем какое-нибудь запретное слово.

Около домика рвется на цепи злая собака. Пушка и колокол; говорят, что скоро привезут и поставят здесь ревун, который будет реветь во время туманов и нагонять тоску на жителей Александровска. Если, стоя в фонаре маяка, поглядеть вниз на море и на «Трех Братьев», около которых пенятся волны, то кружится голова и становится жутко. Неясно виден Татарский берег и даже вход в бухту де-Кастри; смотритель маяка говорит, что ему бывает видно, как входят и выходят из де-Кастри суда. Широкое, сверкающее от солнца море глухо шумит внизу, далекий берег соблазнительно манит к себе, и становится грустно и тоскливо, как будто никогда уже не выберешься из этого Сахалина. Глядишь на тот берег, и кажется, что будь я каторжным, то бежал бы отсюда непременно, несмотря ни на что.

За Александровском, вверх по течению Дуйки, следует селение *Корсаковское*. Основано оно в 1881 году и названо так в честь М. С. Корсакова, бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири. Интересно, что на Сахалине дают названия селениям в честь сибирских губернаторов, смотрителей тюрем и даже фельдшеров, но совершенно забывают об исследователях, как Невельской, моряк Корсаков, Бошняк, Поляков и многие другие, память которых, полагаю,

заслуживает большего уважения и внимания, чем какого-нибудь зрителя Дербина, убитого за жестокость²³.

В Корсаковке жителей 272: 153 м. и 119 ж. Всех хозяев 58. По составу своих хозяев, из которых 26 имеют крестьянское звание и только 9 – каторжные, по количеству женщин, сенокоса, скота и проч., Корсаковка мало отличается от зажиточной Александровской слободки, 8 хозяев имеют по два дома и на каждые 9 домов приходится одна баня. Лошадей имеют 45 хозяев, коров 49. Многие из них имеют по 2 лошади и по 3-4 коровы. По количеству старожил Корсаковка занимает на Северном Сахалине едва ли не первое место – 43 хозяина сидят на своих участках с самого основания селения. Переписывая жителей, я встретил 8 человек, которые прибыли на Сахалин до 1870 г., а один из них прислан даже в 1866 г. А высокий процент старожил в колонии – это добрый знак.

Внешностью своею Корсаковка до обмана похожа на хорошую русскую деревушку, и притом глухую, которой еще не коснулась цивилизация. Я тут был в первый раз в воскресенье после обеда. Была тихая, теплая погода, и чувствовался праздник. Мужики спали в тени или пили чай; у ворот и под окнами бабы искали друг у друга в головах. В палисадниках и в огородах цветы, в окнах герань. Много детей, все на улице и играют в солдаты или в лошадки и возятся с сытыми собаками, которым хочется спать. А когда пастух, старый бродяга, пригнал стадо больше чем в полтораста голов и воздух наполнился летними звуками – мычание, хлопанье бича, крик баб и детей, загоняющих телят, глухие удары босых ног и копыт по пыльной унавоженной дороге – и когда запахло молоком, то иллюзия получилась полная. И даже Дуйка здесь привлекательна. Местами течет она по задворкам, мимо огородов; тут берега у нее зеленые, поросшие тальником и осокой; когда я видел ее, на ее совершенно гладкую поверхность ложились вечерние тени; она была тиха и, казалось, дремала.

Здесь, как и в богатой Александровской слободке, мы находим высокий процент старожил, женщин и грамотных, большое число женщин свободного состояния и почти ту же самую «историю прошлого», с тайною продажей спирта, кулачеством и т. п.; рассказывают, что в былое время тут в устройстве хозяйств также играл заметную роль фаворитизм, когда начальство легко давало в долг и скот, и семена, и даже спирт, и тем легче, что корсаковцы будто бы всегда были политиками и даже самых маленьких чиновников величали вашим превосходительством. Но, в отличие от Александровской слободки, здесь главною причиной зажиточности являются все-таки не продажа спирта, не фаворитизм или близость сахалинского Парижа, а несомненные успехи в хлебопашестве. В то время как в Слободке четверть хозяев обходится без пахотной земли, а другая четверть имеет ее очень мало, здесь, в Корсаковке, все хозяева пахут землю и сеют зерновые хлеба; там половина хозяев обходится без скота и все-таки сыта, здесь же почти все хозяева находят нужным держать скот. По многим причинам нельзя относиться к сахалинскому земледелию иначе как скептически, но что оно в Корсаковке поставлено серьезно и дает сравнительно хорошие результаты, признать необходимо. Нельзя же ведь допустить, чтобы корсаковцы бросали ежегодно в землю две тысячи пудов зерна только из упрямства или из желания угодить начальству. У меня нет точных цифр относительно урожаев, а показаниям самих корсаковцев верить нельзя, но по некоторым признакам, как, например, большое количество скота, внешняя обстановка жизни и то, что здешние крестьяне не торопятся уезжать на материк, хотя давно уже имеют на это право, следует

---

²³ Для ссыльной колонии до настоящего времени больше всех сделали, в смысле ее созидания и ответственности за нее, два человека: М. С. Мицуль и М. Н. Галкин-Враской. В честь первого названо маленькое селение из десяти дворов, бедное и недолговечное, а в честь второго – селение, которое уже имело старое и прочное местное название Сиянцы, так что только на бумагах, да и то не на всех, оно называется Галкино-Враское. Между тем имя М. С. Корсакова носят на Сахалине селение и большой пост не за какие-либо особенные заслуги или жертвы, а только потому, что он был генерал-губернатором и мог нагнать страху.

заклучить, что урожаи здесь не только кормят, но и дают некоторый избыток, располагающий поселенца к оседлой жизни.

Почему корсаковцам удастся хлебопашество, в то время как жители соседних селений терпят крайнюю нужду от целого ряда неудач и уже отчаялись кормиться когда-либо своим хлебом, объяснить нетрудно. Там, где расположилась Корсаковка, долина реки Дуйки наиболее широка, и корсаковцы уже с самого начала, когда садились на участки, имели в своем распоряжении громадную площадь земли. Они могли не только брать, но и выбирать. В настоящее время 20 хозяев имеют под пашней от 3 до 6 и редко кто меньше 2 десятин. Если читатель пожелает сравнить здешние участки с нашими крестьянскими наделами, то он должен еще иметь в виду, что пахотная земля здесь не ходит под паром, а ежегодно засеивается вся до последнего вершка, и потому здешние две десятины в количественном отношении стоят наших трех. Пользование исключительно большими участками земли и составляет весь секрет успеха корсаковцев. При сахалинских урожаях, колеблющихся в среднем между сам-друг и сам-три, земля может дать достаточно хлеба только при одном условии: когда ее много. Много земли, много семян и дешевый, ничего не стоящий труд. В те годы, когда зерновой хлеб совсем не родится, корсаковца выручают овощи и картофель, которые занимают здесь тоже солидную площадь – 33 десятины.

Недавно существующая ссыльная колония со своим маленьким подвижным населением еще не созрела для статистики; при том скудном цифровом материале, какой она до сих пор успела дать, волей-неволей приходится строить свои выводы лишь на одних намеках и догадках, при всяком подходящем случае. Если не бояться упрека в поспешности вывода и данными, относящимися к Корсаковке, воспользоваться для всей колонии, то, пожалуй, можно сказать, что при ничтожных сахалинских урожаях, чтобы не работать в убыток и быть сытым, каждый хозяин должен иметь более двух десятин пахотной земли, не считая сенокосов и земли под овощами и картофелем. Установить более точную норму в настоящее время невозможно, но, по всей вероятности, она равняется четырем десятинам. Между тем по «Отчету о состоянии сельского хозяйства в 1889 году» на Сахалине на каждого владельца приходится пахотной земли в среднем только полдесятины (1555 кв. саж.).

В Корсаковке есть дом, который своими размерами, красною крышей и уютным садом напоминает помещичью усадьбу средней руки. Хозяин этого дома, заведующий медицинскою частью, д-р П. И. Супруненко, уехал весною, чтоб экспонировать на тюремной выставке и потом навсегда остаться в России, и в опустевших комнатах я застал только остатки роскошной зоологической коллекции, собранной доктором. Я не знаю, где теперь эта коллекция и кто изучает по ней фауну Сахалина, но по немногим оставшимся экземплярам, в высшей степени изящным, и по рассказам я мог судить о богатстве коллекции и о том, сколько знания, труда и любви затрачено доктором Супруненко на это полезное дело. Он начал собирать коллекцию в 1881 г. и за десять лет успел собрать почти всех позвоночных, встречаемых на Сахалине, а также много материала по антропологии и этнографии. Его коллекция, если б она осталась на острове, могла бы послужить основанием для превосходного музея.

При доме находится метеорологическая станция. До последнего времени она находилась в ведении д-ра Супруненко, теперь же заведует ею инспектор сельского хозяйства. При мне наблюдения производил писарь, ссыльнокаторжный Головацкий, толковый и обязательный человек, снабдивший меня метеорологическими таблицами. Уже можно сделать вывод из наблюдений за девять лет, и я постараюсь дать некоторое понятие о климате Александровского округа. Владивостокский городской голова как-то сказал мне, что у них во Владивостоке и вообще по всему восточному побережью «нет никакого климата», про Сахалин же говорят, что климата здесь нет, а есть дурная погода и что этот остров – самое ненастное место в России. Не знаю, насколько верно последнее; при мне было очень хорошее лето, но метеорологические таблицы и краткие отчеты других авторов дают в общем картину необычайного нена-

стью. Климат Александровского округа морской и отличается своим непостоянством, то есть значительными колебаниями средней температуры года²⁴, числа дней с осадками и проч.; низкая средняя температура года, громадное количество осадков и пасмурных дней составляют его главные особенности. Для сравнения я возьму средние месячные температуры Александровского округа и Череповецкого уезда, Новгородской губернии, где «суровый, сырой, непостоянный и неблагоприятный для здоровья климат»²⁵:

	Алекс. окр.	Черепов. уезд.
Январь	-18,9	-11,0
Февраль.....	-15,1	-8,2
Март	-10,1	-1,8
Апрель	+0,1	+2,8
Май	+5,9	+12,7
Июнь	+11,0	+17,5
Июль	+16,3	+18,5
Август	+17,0	+13,5
Сентябрь	+11,4	+6,8
Октябрь	+3,7	+1,8
Ноябрь	-5,5	-5,7
Декабрь	-13,8	-12,8

Средняя годовая температура в Александровском округе равна +0,1, то есть почти 0, а в Череповецком уезде +2,7. Зима в Александровском округе суровее, чем в Архангельске, весна и лето, как в Финляндии, и осень, как в Петербурге, средняя годовая температура, как в Соловецких островах, где она тоже равна нулю. В долине Дуйки наблюдается вечная мерзлота. Поляков нашел ее 20 июня на глубине $\frac{3}{4}$ аршина. Он же 14 июля нашел под кучами мусора и в ложбинах около гор снег, который растаял только в конце июля. 24 июля 1889 г. на горах, которые здесь невысоки, выпал снег, и все нарядились в шубы и тулупы. Вскрытия Дуйки за 9 лет наблюдались: самое раннее 23 апреля и самое позднее 6 мая. За все девять зим ни разу не было оттепели. 181 день в году бывает мороз и в 151 дует холодный ветер. Все это имеет важное практическое значение. В Череповецком уезде, где лето теплее и продолжительнее, по Грязнову, не могут хорошо вызреть греча, огурцы и пшеница, а в Александровском округе, по свидетельству здешнего инспектора сельского хозяйства, ни в один год не была наблюдаема сумма тепла, достаточная для полного вызревания овса и пшеницы.

Наибольшего внимания со стороны агронома и гигиениста заслуживает здешняя чрезмерная влажность. В году бывает дней с осадками в среднем 189: 107 со снегом и 82 с дождем (в

²⁴ Средняя температура года колеблется между +1,2 и -1,2; число дней с осадками между 102 и 209; тихих безветренных дней в 1881 г. было только 35, в 1884 г. в три раза больше – 112.

²⁵ П. Грязнов. Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топография Череповецкого уезда. 1880 г. Градусы по Реомюру у г. Грязнова я перевожу на Цельсия.

Череповецком уезде 81 день с дождем и 82 со снегом). Небо по целым неделям бывает сплошь покрыто свинцовыми облаками, и безотрадная погода, которая тянется изо дня в день, кажется жителям бесконечною. Такая погода располагает к угнетающим мыслям и унылому пьянству. Быть может, под ее влиянием многие холодные люди стали жестокими и многие добряки и слабые духом, не видя по целым неделям и даже месяцам солнца, навсегда потеряли надежду на лучшую жизнь. Поляков пишет про июнь 1881 г., что не было ни одного ясного дня в течение всего месяца, а из отчета инспектора сельского хозяйства видно, что за четырехлетний период в промежутки от 18 мая по 1 сентября число ясных дней в среднем не превышает 8. Туманы здесь довольно частое явление, особенно на море, где они представляют для моряков настоящее бедствие; соленые морские туманы, как говорят, действуют разрушающим образом на прибрежную растительность, и на деревья, и на луга. Ниже я буду говорить о селениях, жители которых, благодаря главным образом этим туманам, уже перестали сеять зерновые хлеба и всю свою пахотную землю пускают под картофель. Однажды в ясную солнечную погоду я видел, как с моря надвигалась стена тумана совершенно белого, молочного цвета; походило на то, как будто с неба на землю опустился белый занавес.

Метеорологическая станция снабжена инструментами, проверенными и приобретенными в главной физической обсерватории в Петербурге. Библиотеки при ней нет. Кроме вышеупомянутого писаря Головацкого и его жены, на станции я еще записал шесть работников и одну работницу. Что они тут делают, не знаю.

В Корсаковке есть школа и часовня. Был и больничный околоток, где вместе помещались 14 сифилитиков и 3 сумасшедших; один из последних заразился сифилисом. Говорят также, что сифилитики приготавливали для хирургического отделения морской канат и корпию. Но я не успел побывать в этом средневековом учреждении, так как в сентябре оно было закрыто молодым военным врачом, исправлявшим временно должность тюремного врача. Если бы здесь сумасшедших сожигали на кострах по распоряжению тюремных врачей, то и это не было бы удивительно, так как местные больничные порядки отстали от цивилизации по крайней мере лет на двести.

В одной избе уже в сумерках я застал человека лет сорока, одетого в пиджак и в брюки навывпуск; бритый подбородок, грязная, некрахмаленная сорочка, подобие галстука – по всем видимостям привилегированный. Он сидел на низкой скамеечке и из глиняной чашки ел солонину и картофель. Он назвал свою фамилию с окончанием на *кий*, и мне почему-то показалось, что я вижу перед собой одного бывшего офицера, тоже на *кий*, который за дисциплинарное преступление был прислан на каторгу.

– Вы бывший офицер? – спросил я.

– Никак нет, ваше высокоблагородие, я священник.

Не знаю, за что его прислали на Сахалин, да и не спрашивал я об этом: когда человек, которого еще так недавно звали отцом Иоанном и батюшкой и которому целовали руку, стоит перед вами навывтяжку, в жалком поношенном пиджаке, то думаешь не о преступлении. В другой избе наблюдал такую сцену. Молодой каторжный, брюнет с необыкновенно грустным лицом, одетый в щегольскую блузу, сидит у стола, подперев голову обеими руками, хозяйка-каторжная убирает со стола самовар и чашки. На мой вопрос, женат ли он, молодой человек отвечает, что за ним на Сахалин прибыла добровольно его жена с дочерью, но что вот уже два месяца, как она уехала с ребенком в Николаевск и не возвращается, хотя он послал ей уже несколько телеграмм. «И не вернется, – говорит хозяйка с каким-то злорадством. – Что ей тут делать? Сахалина твоего не видала, что ли? Легко ли дело!» Он молчит, а она опять: «И не вернется. Баба она молодая, вольная, – чего ей? Залетела, как птица, – и была такова, ни слуху ни духу. Вот не то, что я да ты. Не убивала бы я мужа, а ты бы не поджигал, и мы тоже были бы теперь вольные, а теперь вот сиди и жди ветра в поле, свою женушку, да пускай вот твое

сердце кровью обливается...» Он страдает, на душе у него, по-видимому, свинец, а она пилит его и пилит; выхожу из избы, а голос ее все слышно.

В Корсаковке вместе со мной ходил по избам каторжный Кисляков, довольно странный человек. Судебные репортеры, вероятно, еще не забыли его. Это тот самый Кисляков, из военных писарей, который в Петербурге на Николаевской убил молотком свою жену и сам явился к градоначальнику объявить о своем преступлении. По его рассказу, жена у него была красавица, и он очень любил ее, но как-то раз, повздорив с ней, он поклялся перед образом, что убьет ее, и с этого времени до самого убийства какая-то невидимая сила не переставала шептать ему на ухо: «Убей, убей!» До суда он сидел в больнице св. Николая; вероятно, поэтому сам считает себя психопатом, так как не раз просил меня похлопотать о том, чтобы его признали сумасшедшим и заточили в монастырь. Вся его каторга заключается в том, что в тюрьме ему поручено делать колышки для прикрепления привесков к хлебным порциям – работа, кажется, не трудная, но он нанимает вместо себя другого, а сам «дает уроки», то есть ничего не делает. Одет он в пиджачный костюм из парусинки и наружность имеет благообразную. Парень недалекий, но говорун и философ. «Где блохи, там и дети», – говорил он сладким бархатным баритоном всякий раз при виде детей. Когда спрашивали при нем, зачем я делаю перепись, он говорил: «Затем, чтобы всех нас отправить на луну. Знаешь, где луна?» А когда мы поздно вечером возвращались пешком в Александровск, он несколько раз, что называется, ни к селу ни к городу, повторил: «Мсть есть самое благородное чувство».

Дальше вверх по Дуйке следует селение *Ново-Михайловское*, основанное в 1872 г. и названное так потому, что Мицуля звали Михаилом. У многих авторов оно называется Верхним Урочищем, а у здешних поселенцев – Пашней. Жителей в селении 520: 287 м. и 233 ж. Хозяев 133, и из них двое имеют совладельцев. Пахотные участки показаны в подворной описи у всех хозяев, крупный скот имеется у 84, но тем не менее все-таки избы, за немногими исключениями, поражают своею бедностью, и жители в один голос заявляют, что на Сахалине не проживешь «никаким родом». Рассказывают, что в прежние годы, когда бедность в Ново-Михайловке была вопиющая, из селения вела в Дуэ тропинка, которую протоптали каторжные и свободные женщины, ходившие в Дуйскую и Воеводскую тюрьмы продавать себя арестантам за медные гроши. Могу удостоверить, что тропинка эта не заросла еще и до сих пор. Те из жителей, которые, подобно корсаковцам, имеют большие пахотные участки, от 3 до 6 и даже 8 десятин, не бедствуют, но таких участков мало и с каждым годом становится все меньше и меньше, и в настоящее время больше половины хозяев владеют участками от $\frac{1}{8}$ до $1\frac{1}{2}$ дес., а это значит, что хлебопашество дает им одни только убытки. Хозяева-старожила, искушенные опытом, сеют только ячмень и свои пахотные участки стали пускать под картофель.

Земля здесь не служит приманкой и не располагает к оседлой жизни. Из тех хозяев, которые сели на участки в первые четыре года после основания селения, не осталось ни одного; с 1876 г. сидят 9, с 1877 г. – 7, с 1878 г. – 2, с 1879 г. – 4, а все остальные – новички.

В Ново-Михайловке телеграфная станция, школа, казарма для богадельщиков и остов недостроенной деревянной церкви. Есть пекарня, где пекут хлеб для каторжных, занятых дорожными работами в районе Ново-Михайловки; пекут, должно быть, без всякого контроля со стороны начальства, так как хлеб здесь отвратительный.

Каждому проезжающему через Ново-Михайловку не миновать познакомиться с живущим здесь крестьянином из ссыльных Потемкиным. Когда на Сахалин приезжает какое-нибудь важное лицо, то Потемкин подносит ему хлеб-соль; когда хотят доказать, что сельскохозяйственная колония удалась, то указывают обыкновенно на Потемкина. В подворной описи у него показано 20 лошадей и 9 голов рогатого скота, но говорят, что лошадей у него вдвое больше. Он имеет лавочку, и есть у него еще лавочка в Дуэ, где торгует его сын. Впечатление производит он делового, умного и зажиточного раскольника. В комнатах у него чисто, стены оклеены обоями и есть картина: «Мариенбад, морские купанья близ Либавы». Сам он и его жена ста-

рушка степенны, рассудительны и в разговоре политичны. Когда я пил у него чай, то он и его жена говорили мне, что жить на Сахалине можно и земля хорошо родит, но что все горе в том, что нынче народ обленился, избаловался и не старается. Я спросил его: правду ли говорят, что он угощал одну важную особу арбузами и дынями из собственных огородов? Он не моргнув глазом и ответил: «Это точно, дыни здесь, случается, поспевают»²⁶.

В Ново-Михайловке проживает еще одна сахалинская знаменитость – поселенец Терский, бывший палач. Он кашляет, держится за грудь бледными, костлявыми руками и жалуется, что у него живот надорван. Стал он чахнуть с того дня, как по приказанию начальства за какую-то провинность был наказан теперешним александровским палачом Комелевым. Комелев так постарался, что «чуть души не вышиб». Но скоро провинился в чем-то Комелев – и наступил праздник для Терского. Этот дал себе волю и в отместку отодрал коллегу так жестоко, что у того, по рассказам, до сих пор гноится тело. Говорят, что если двух ядовитых пауков посадить в одну банку, то они заедят друг друга до смерти.

До 1888 г. Ново-Михайловка была последним селением по Дуйке, теперь же есть еще *Красный Яр* и *Бутаково*. К этим селениям от Ново-Михайловки проводят дорогу. Первую половину пути к Красному Яру, версты три, мне пришлось ехать по новой, гладкой и прямой, как линейка, дороге, а вторую по живописной тайговой просеке, на которой пни уже выкорчеваны и езда легка и приятна, как по хорошей проселочной дороге. Крупные строевые экземпляры деревьев по пути почти везде уже срублены, но тайга все еще внушительна и красива. Березы, осины, тополи, ивы, ясени, бузина, черемуха, таволга, боярышник, а между ними трава в рост человека и выше; гигантские папоротники и лопухи, листья которых имеют более аршина в диаметре, вместе с кустарниками и деревьями сливаются в густую непроницаемую чашу, дающую приют медведям, соболям и оленям. По обе стороны, где кончается узкая долина и начинаются горы, зеленою стеной стоят хвойные леса из пихт, елей и лиственниц, выше их опять лиственный лес, а вершины гор лысы или покрыты кустарником. Таких громадных лопухов, как здесь, я не встречал нигде в России, и они-то главным образом придают здешней чаще, лесным полянам и лугам оригинальную физиономию. Я уже писал, что ночью, особенно при лунном свете, они представляются фантастическими. В этом отношении декорацию пополняет еще одно великолепное растение из семейства зонтичных, которое, кажется, не имеет на русском языке названия: прямой ствол вышиною до десяти футов и толщиною в основании три дюйма, пурпурово-красный в верхней части, держит на себе зонтик до одного фута в поперечнике; около этого главного зонтика группируются 4–6 зонтов меньшего размера, придающие растению вид канделябра. По-латыни это растение называется *angelophyllum ursinum*^{27,28}.

Красный Яр существует только второй год. В нем одна широкая улица, но дороги еще нет, и от избы к избе ходят по кочкам, по кучам глины и стружкам и прыгают через бревна, пни и канавы, в которых застоялась коричневая вода. Избы еще не готовы. Один хозяин делает кирпичи, другой мажет печку, третий тащит через улицу бревно. Всех хозяев 51. Из них трое – и между ними китаец Пен-Оги-Цой – побросали свои начатые избы, ушли, и не известно никому, где они теперь. А кавказцы, их здесь семеро, уже прекратили работы, сбились все в одну избу и жмутся от холода, хотя еще только второе августа. Что селение еще молодо и едва начинает свою жизнь, видно также из цифр. Жителей 90, причем мужчины относятся к женщинам, как 2

²⁶ Потемкин прибыл на Сахалин уже богатым. Д-р Августинович, видевший его через три года после его прибытия на Сахалин, пишет, что «лучше всех дом ссыльного Потемкина». Если за трехлетний период каторжный Потемкин успел построить себе хороший дом, завести лошадей и выдать дочь за сахалинского чиновника, то, я думаю, сельское хозяйство тут ни при чем.

²⁷ Медвежий корень (лат.).

²⁸ Большинству авторов здешний пейзаж не нравится. Это оттого, что они приезжали на Сахалин, находясь еще под свежим впечатлением цейлонской и японской или амурской природы, и оттого, что они начинали с Александровска и Дуэ, где природа в самом деле жалка. Виновата в этом и здешняя погода. Как бы ни был красив и оригинален сахалинский пейзаж, но если он по неделям прячется в тумане или в дожде, то трудно оценить его по достоинству.

к 1; законных семей – 3, а свободных – 20, и детей до пятилетнего возраста только 9. Лошадей имеют 3 хозяина, коров – 9. В настоящее время все хозяева получают арестантский паек, но чем они будут питаться впоследствии, пока неизвестно; на хлебопашество же, во всяком случае, надежды плохие. До сих пор успели найти и раскорчевать под пашню и картофель только $24\frac{1}{4}$ дес., то есть меньше чем $\frac{1}{2}$ дес. на хозяйство. Сенокосов нет вовсе. А так как долина здесь узка и с обеих сторон стиснута горами, на которых ничего не родится, и так как администрация не останавливается ни перед какими соображениями, когда ей нужно сбыть с рук людей, и, наверное, ежегодно будет сажать сюда на участки десятки новых хозяев, то пахотные участки останутся такими же, как теперь, то есть в $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{2}$ дес., а пожалуй, и меньше. Я не знаю, кто выбирал место для Красного Яра, но по всему видно, что это возложено было на людей некомпетентных, никогда не бывавших в деревне, а главное, меньше всего думавших о сельскохозяйственной колонии. Тут даже порядочной воды нет. Когда я спросил, откуда берут воду для питья, то мне указали на канаву.

Все избы здесь на одинаковый фасон, двухоконные, строятся из плохого и сырого леса, с единственным расчетом – отбыть как-нибудь поселенческий срок и уехать на материк. Контроля над постройками со стороны администрации нет, вероятно, по той причине, что между чиновниками нет ни одного, который знал бы, как нужно строить избы и класть печи. По штату, впрочем, на Сахалине полагается архитектор, но при мне его не было, да и заведует он, кажется, одними только казенными постройками. Веселее и приветливее всех смотрит казенный дом, где живет надзиратель Убыенных, маленький, тщедушный солдатик, с выражением, которое вполне подходит к его фамилии; на лице у него в самом деле что-то убиенное, горько-недоумевающее. Быть может, это оттого, что с ним в одной комнате живет высокая и полная поселка, его сожительница, подарившая его многочисленным семейством. Он состоит уже на старшем надзирательском окладе, и вся служба его заключается только в докладах приезжающим, что все на этом свете обстоит благополучно. Но и ему не нравится Красный Яр и хочется вон из Сахалина. Он меня спрашивал: пустят ли его сожительницу с ним вместе, когда он выйдет в запас и пойдет на материк? Этот вопрос его очень беспокоит.

В Бутакове²⁹ я не был. По данным подворной описи, часть которых я мог проверить и дополнить по исповедной книге священника, всех жителей там 39. Взрослых женщин только 4. Хозяев 22. Готовы пока 4 дома, а у остальных хозяев стоят еще срубы. Земли под пашней и картофелем всего $4\frac{1}{2}$ дес. Скота и птицы пока нет еще ни у одного хозяина.

Покончив с долиной Дуйки, перехожу к небольшой речке Аркай, на которой стоят три селения. Избрана долина Аркая для поселений не потому, чтобы она была лучше других исследована или удовлетворяла потребностям колонии, а просто случайно, только потому, что она находится к Александровску ближе других долин.

²⁹ Названо так селение в честь А. М. Бутакова, начальника Тымовского округа.

VIII

Река Аркай. – Арковский кордон. – Первое, Второе и Третье Арково. – Арковская долина. – Селения по западному побережью: Мгачи, Танги, Хоэ, Трамбаус, Виахты и Ванги. – Тун-пель. – Кабельный домик. – Дуэ. – Казармы для семейных. – Дуйская тюрьма. – Каменно-угольные копи. – Воеводская тюрьма. – Прикованные к тачкам

Речка Аркай впадает в Татарский пролив, верст на 8–10 севернее Дуйки. Еще недавно она была настоящею рекой и в ней ловили рыбу горбушу, теперь же, вследствие лесных пожаров и порубок, она обмелела и к лету пересыхает совершенно. Впрочем, во время сильных дождей она разливается по-весеннему, бурно и шумно, и тогда дает себя знать. Уже случалось не раз, что она смывала с берегов огороды и уносила в море сено и весь поселенческий урожай. Убежаться от такой беды невозможно, так как долина узка и уйти от реки можно только на горы³⁰.

У самого устья Аркая при повороте на долину стоит гиляцкая деревушка Аркайво, давшая название арковскому кордону и трем селениям: Первому, Второму и Третьему Арково. Из Александровска в Арковскую долину ведут две дороги: одна – горная, по которой при мне не было проезда, так как во время лесных пожаров на ней сгорели мосты, и другая – по берегу моря; по этой последней езда возможна только во время отлива. В первый раз я выехал к Аркаю 31 июля в 8 часов утра. Отлив начинался. Пахло дождем. Пасмурное небо, море, на котором не видать ни одного паруса, и крутой глинистый берег были суровы; глухо и печально шумели волны. С высокого берега смотрели вниз чахлые, больные деревья; здесь на открытом месте каждое из них в одиночку ведет жестокую борьбу с морозами и холодными ветрами, и каждому приходится осенью и зимой, в длинные страшные ночи, качаться неугомонно из стороны в сторону, гнуться до земли, жалобно скрипеть, – и никто не слышит этих жалоб.

Арковский кордон находится около гиляцкой деревушки. Прежде он имел значение сторожевого пункта, в нем жили солдаты, которые ловили беглых, теперь же здесь живет надзиратель, исполняющий должность, кажется, смотрителя поселений. Верстах в двух от кордона расположилось *Первое Арково*. Оно имеет одну только улицу и благодаря условиям места может расти только в длину, но не в ширину. Когда со временем все три Арково сольются вместе, то Сахалин будет иметь очень большое село, состоящее из одной только улицы. Основано Первое Арково в 1883 г. Жителей 136: 83 м. и 53 ж. Хозяев 28, и все они живут семейно, кроме каторжной Павловской, католички, у которой недавно умер сожитель, настоящий хозяин дома; она убедительно просила меня: «Назначь мне хозяина!» Трое имеют по два дома. *Второе Арково* основано в 1884 г. В нем жителей 92: 46 м. и 46 ж. Хозяев 24, все живут семейно. Из них двое имеют по два дома. *Третье Арково* основано одновременно со Вторым, и из этого видно, как спешили заселить Арковскую долину. Жителей 41: 19 м. и 22 ж. Хозяев 10, и при них один совладелец. Семейно живут 9.

В трех Арково пахотная земля показана у всех хозяев, и величина участков колеблется между $1\frac{1}{2}$ и 2 дес. У одного показано 3 дес. Сеют в немалом количестве пшеницу, ячмень и рожь, сажают картофель. У большинства есть скот и домашняя птица. Если судить по данным подворной описи, собранным смотрителем поселений, то можно прийти к выводу, что все три Арково в короткий срок своего существования значительно преуспели в сельском хозяйстве; недаром один анонимный автор пишет про здешнее земледелие: «Труд этот с избытком воз-

³⁰ Лет пять назад один важный человек, беседуя с поселенцами о сельском хозяйстве и давая им советы, сказал, между прочим: «Имейте в виду, что в Финляндии сеют хлеб по склонам гор», но Сахалин – не Финляндия, климатические, а главным образом почвенные условия исключают какую бы то ни было культуру на здешних горах. Инспектор сельского хозяйства в своем отчете советует завести овец, которые могли бы «с выгодой использовать те скудные, но многочисленные выгоны по склонам гор, на которых крупный скот не наедается». Но совет этот не имеет практического значения, так как овцы могли бы «использовать» выгоны только в течение короткого лета, а в длинную зиму они околевали бы с голоду.

награждается благодаря почвенным условиям этой местности, которые весьма благоприятны для земледелия, что сказывается в силе лесной и луговой растительности». На самом же деле это не так. Все три Арково принадлежат к беднейшим селениям Северного Сахалина. Здесь есть пахотная земля, есть скот, но ни разу не было урожая. Помимо неблагоприятных условий, общих для всего Сахалина, здешние хозяева встречают серьезного врага еще в особенностях Арковской долины и прежде всего в почве, которую так хвалит только что цитированный автор. Почва здесь – вершковый слой перегноя, а подпочва – галька, которая в жаркие дни нагревается так сильно, что сушит корни растений, а в дождливую пору не пропускает влаги, так как лежит на глине; от этого корни гниют. На такой почве, по-видимому, без вреда для себя могут уживаться только растения с крепкими, глубоко сидящими корнями, как, например, лопухи, а из культурных только корнеплоды, брюква и картофель, для которых к тому же почва обрабатывается лучше и глубже, чем для злаков. О бедствиях, причиняемых рекой, я уже говорил. Сенокосов совсем нет, сено косят на клочках в тайге или жнут его серпами, где попадется, а кто побогаче, те покупают его в Тымовском округе. Рассказывают про целые семьи, которые в течение зимы не имели ни куска хлеба и питались одною только брюквой. Незадолго до моего приезда во Втором Аркове умер с голода поселенец Скорин. По рассказам соседей, он в продолжение трех дней съедал только один фунт хлеба, и так очень долгое время. «Всех нас ждет та же участь», – говорили мне соседи, напуганные его смертью. Описывая свое житье-бытье, помню, три женщины принимались плакать. В одной избе без мебели, с темною унылою печью, занимавшею полкомнаты, около бабы-хозяйки плакали дети и пищали цыплята; она на улицу – дети и цыплята за ней. Она, глядя на них, смеется и плачет, и извиняется передо мной за плач и писк; говорит, что это с голоду, что она ждет не дождется, когда вернется муж, который ушел в город продавать голубику, чтобы купить хлеба. Она рубит капустные листья и дает цыплятам, те с жадностью бросаются и, обманутые, поднимают еще больший писк. В одной избе помещается мужик, мохнатый, как паук, с нависшими бровями, каторжный, грязный, и с ним другой такой же мохнатый и грязный; у обоих большие семьи, а в избе, как говорится, срамota и злыдни – даже гвоздя нет. А кроме плача, писка и таких фактов, как смерть Скорина, сколько всякого рода косвенных выражений нужды и голода! В Третьем Аркове изба поселенца Петрова стоит заперта, потому что сам он «отправлен, за нерадение к хозяйству и самовольный зарез на мясо телки, в Воеводскую тюрьму, где и находится». Очевидно, теленок зарезан из нужды и продан в Александровске. Семена, взятые из казны в долг для посева, значатся в подворной описи посеянными, на самом же деле они наполовину съедены, и сами поселенцы в разговоре не скрывают этого. Скот, какой есть, взят из казны в долг и кормится на казенный счет. Чем дальше в лес, тем больше дров: все арковцы должны, задолженность их растет с каждым новым посевом, с каждою лишнею головою скота, а у некоторых она простирается уже до неоплатной цифры – двух и даже трехсот рублей на душу.

Между Вторым и Третьим Арково находится *Арковский Станок*, где меняют лошадей, когда едут в Тымовский округ. Это почтовая станция или постоялый двор. Если мерить на наш русский аршин, то, при здешней довольно скромной гоньбе, достаточно было бы на Станке двух-трех работников при одном надзирателе. Но на Сахалине любят все на широкую ногу. Кроме надзирателя, на Станке живут еще писарь, рассыльный, конюх, два хлебопека, три дровотаска и еще четыре работника, которые на вопрос, что они тут делают, ответили мне: «Ношу сено».

Если художнику-пейзажисту случится быть на Сахалине, то рекомендую его вниманию Арковскую долину. Это место, помимо красоты положения, чрезвычайно богато красками, так что трудно обойтись без устаревшего сравнения с пестрым ковром или калейдоскопом. Вот густая сочная зелень с великанами-лопухами, блестящими от только что бывшего дождя, рядом с ней на площадке не больше, как сажени в три, зеленеет рожь, потом клочок с ячменем, а там опять лопух, за ним клочок земли с овсом, потом грядка с картофелем, два недоросля

подсолнуха с поникшими головами, затем клинышком входит густо-зеленый конопляник, там и сям гордо возвышаются растения из семейства зонтичных, похожие на канделябры, и вся эта пестрота усыпана розовыми, ярко-красными и пунцовыми пятнышками мака. По дороге встречаются бабы, которые укрылись от дождя большими листьями лопуха, как косынками, и оттого похожи на зеленых жуков. А по сторонам горы – хотя и не Кавказские, но все-таки горы.

По западному побережью, выше устья Аркая, имеются шесть незначительных селений. Я не был ни в одном из них, и относящиеся к ним цифры взяты мною из подворной описи и исповедной книги. Основывались они на выдающихся в море мысах или у устьев небольших рек, от которых и получали свои названия. Началось со сторожевых пикетов, иногда из 4-5 человек, с течением же времени, когда одних этих пикетов оказалось недостаточно, решено было (в 1882 г.) заселить самые большие мысы между Дуэ и Погоби благонадежными, преимущественно семейными поселенцами. Цель учреждения этих селений и кордонов при них: «дать возможность проезжающей из Николаевска почте, пассажирам и каюрам иметь приют и охрану во время пути и установить общий полицейский надзор за береговой линией, представляющей из себя единственный (?) возможный путь для беглых арестантов, а равно провоза запрещенного для вольной продажи спирта». Дорог к береговым поселениям еще нет, сообщение возможно только пешком по берегу во время отлива, а зимою на собаках. Возможно также сообщение на лодках и паровых катерах, но только в очень хорошую погоду. В направлении с юга на север эти селения расположены в таком порядке:

Мгачи. Жителей 38: 20 м. и 18 ж. Хозяев 14. Семейно живут 13, но законных семей только 2. Пахотной земли все имеют около 12 дес., но вот уже три года, как не сеют зерновых хлебов и пускают всю землю под картофель. 11 хозяев сидят на участке с самого основания селения, и 5 из них уже имеют крестьянское звание. Есть хорошие заработки, чем и объясняется, что крестьяне не спешат на материк. 7 человек занимаются каюрьством, то есть держат собак, на которых в зимнее время возят почту и пассажиров. Один занимается охотой как промыслом. Что касается рыбных ловель, о которых говорится в отчете главного тюремного управления за 1890 г., то их тут нет совсем.

Танги. Жителей 19: 11 м. и 8 ж. Хозяев 6. Пахотной земли около 3 дес., но тоже, как в Мгачах, вследствие частых морских туманов, мешающих росту зерновых хлебов, сажают на ней только картофель. Два хозяина имеют лодки и занимаются рыболовством.

Хоэ, на мысе того же названия, который сильно выдается в море и виден из Александровска. Жителей 34: 19 м. и 15 ж. Хозяев 13. Тут еще не совсем разочаровались и продолжают сеять пшеницу и ячмень. Трое занимаются охотой.

Трамбаус. Жителей 8: 3 м. и 5 ж. Счастливое селение, где женщин больше, чем мужчин. Хозяев 3.

Виахты, на реке Виахту, соединяющей озеро с морем и в этом отношении напоминающей Неву. Говорят, что в озере ловятся сиги и осетры. Жителей 17: 9 м. и 8 ж. Хозяев 7.

Ванги – самое северное селение. Жителей 13: 9 м. и 4 ж. Хозяев 8.

По описаниям ученых и путешественников, чем выше к северу, тем природа беднее и печальнее. Начиная с Трамбауса, вся северная треть острова представляет из себя равнину, совершенную тундру, на которой главный водораздельный хребет, идущий вдоль всего Сахалина, имеет вид невысоких волнообразных возвышенностей, принимаемых некоторыми авторами за наносы со стороны Амура. По красно-бурой болотистой равнине там и сям тянутся полосы кривого хвойного леса; у лиственницы ствол не выше одного фута, и крона ее лежит на земле в виде зеленой подушки, ствол кедрового кустарника стелется по земле, а между полосками чахлого леса лишайники и мхи, и, как и на русских тундрах, встречается здесь всякая грубая кислого или сильно вяжущего вкуса ягода – моховка, голубика, костяника, клюква. Только на самом северном конце равнины, где местность вновь делается холмистою, природа на небольшом пространстве, у преддверия в вечно холодное море, точно хочет улыбнуться на

прощанье; на карте Крузенштерна, относящейся к этой местности, изображен стройный лиственный лес.

Но как ни сурова и ни бедна природа, жителям береговых селений, по свидетельству сведущих людей, все-таки живется сравнительно лучше, чем, например, арковцам или александровцам.

Объясняется это тем, что их мало, и те блага, какие имеются в их распоряжении, приходится делить между немногими. Для них не обязательны хлебопашество и урожаи, они предоставлены самим себе и сами выбирают для себя занятия и промыслы. Через селения проходит зимняя дорога из Александровска в Николаевск; сюда приезжают зимою гиляки и якуты-промышленники для торговых операций, и поселенцы продают им и меняют без посредства комиссионеров. Здесь нет лавочников, майданщиков, жидов-перекупщиков и нет канцеляристов, которые выменивают за спирт роскошные лисьи меха и потом с блаженной улыбкой показывают их своим гостям.

По направлению к югу новых селений не основывают. Южнее Александровска по западному побережью есть только один населенный пункт – *Дуэ*, страшное, безобразное и во всех отношениях дрянное место, в котором по своей доброй воле могут жить только святые или глубоко испорченные люди. Это пост; население называет его портом. Основан он в 1857 г., название же его Дуэ, или Дуи, существовало раньше и относилось вообще к той части берега, где находятся теперь дуйские копи. В узкой долине, где он расположен, протекает мелкая речка Хойнджи. Из Александровска в Дуэ ведут две дороги: одна – горная, а другая – по берегу моря. Мыс Жонкиер всею своею массой навалился на береговую отмель, и проезд по ней был бы невозможен вовсе, если бы не прорыли туннеля. Рыли его, не посоветовавшись с инженером, без затей, и в результате вышло темно, криво и грязно. Сооружение это стоило очень дорого, но оно оказалось ненужным, так как, при существовании хорошей горной дороги, нет нужды ездить по береговой, проезд по которой стеснен условиями отлива и прилива. На этом туннеле превосходно сказалась склонность русского человека тратить последние средства на всякого рода выкрутасы, когда не удовлетворены самые насущные потребности. Рыли туннель, заведующие работами катались по рельсам в вагоне с надписью «Александровск-Пристань», а каторжные в это время жили в грязных, сырых юртах, потому что для постройки казарм не хватало людей.

Тотчас по выходе из туннеля у береговой дороги стоят солеварня и кабельный домик, из которого спускается по песку в море телеграфный кабель. В домике живет каторжный столяр, поляк, со своею сожительницей, которая, по рассказам, родила, когда ей было 12 лет, после того, как какой-то арестант изнасиловал ее в этапе. На всем пути к Дуэ обрывистый, отвесный берег представляет осыпи, на которых там и сям чернеют пятна и полосы, шириною от аршина до сажени. Это уголь. Пласты угля здесь, по описанию специалистов, сдавлены пластами песчаников, глинистых сланцев, сланцевых глин и глинистых песков, приподнятых, изогнутых, сдвинутых или сброшенных породами базальтовыми, диоритовыми и порфиоровыми, вышедшими во многих местах большими массами. Должно быть, это своеобразно красиво, но предубеждение против места засело так глубоко, что не только на людей, но даже на растения смотришь с сожалением, что они растут именно здесь, а не в другом месте. Верстах в семи берег прерывается расщелиной. Это Воеводская падь; здесь одиноко стоит страшная Воеводская тюрьма, в которой содержатся тяжкие преступники и между ними прикованные к тачкам. Около тюрьмы ходят часовые; кроме них, кругом не видно ни одного живого существа, и кажется, что они стерегут в пустыне какое-то необыкновенное сокровище.

Дальше, в версте, начинаются каменноугольные ломки, потом с версту еще едешь голым, безлюдным берегом и, наконец, другая расщелина, в которой и находится Дуэ, бывшая столица сахалинской каторги. В первые минуты, когда въезжаешь на улицу, Дуэ дает впечатление небольшой старинной крепости: ровная и гладкая улица, точно плац для маршировки, белые

чистенькие домики, полосатая будка, полосатые столбы; для полноты впечатления не хватает только барабанной дроби. В домиках живут начальник военной команды, смотритель Дуйской тюрьмы, священник, офицеры и проч. Там, где короткая улица кончается, поперек ее стоит серая деревянная церковь, которая загораживает от зрителя неофициальную часть порта; тут расщелина двоится в виде буквы «игрек», посылая от себя канавы направо и налево. В левой находится слободка, которая прежде называлась Жидовской, а в правой – всякие тюремные постройки и слободка без названия. В обеих, особенно в левой, тесно, грязно, неуютно; тут уже нет белых чистеньких домиков; избышки ветхие, без дворов, без зелени, без крылец, в беспорядке лепятся внизу у дороги, по склону горы и на самой горе. Участки усадебной земли, если только в Дуэ можно назвать ее усадебной, очень малы: у четырех хозяев в подворной описи показано ее только по 4 кв. саж. Тесно, яблоку упасть негде, но в этой тесноте и вони дуйский палач Толстых все-таки нашел местечко и строит себе дом. Не считая команды, свободного населения и тюрьмы, в Дуэ жителей 291: 167 м. и 124 ж. Хозяев 46, и при них совладельцев 6. Большинство хозяев – каторжные. Что побуждает администрацию сажать на участки их и их семьи именно здесь, в расщелине, а не в другом месте, понять невозможно. Пахотной земли в подворной описи показано на все Дуэ только $\frac{1}{8}$ дес., а сенокосов нет вовсе. Допустим, что мужчины заняты на каторжных работах, но что же делают 80 взрослых женщин? На что уходит у них время, которое здесь благодаря бедности, дурной погоде, непрерывному звону цепей, постоянному зрелищу пустынных гор и шуму моря, благодаря стонам и плачу, которые часто доносятся из надзирательской, где наказывают плетью и розгами, кажется длиннее и мучительнее во много раз, чем в России? Это время женщины проводят в полном бездействии. В одной избе, состоящей чаще всего из одной комнаты, вы застаете семью каторжного, с нею солдатскую семью, двух-трех каторжных жильцов или гостей, тут же подростки, две-три колыбели по углам, тут же куры, собака, а на улице около избы отбросы, лужи от помоев, заняться нечем, есть нечего, говорить и браниться надоело, на улицу выходить скучно – как все однообразно уныло, грязно, какая тоска! Вечером с работ возвращается муж-каторжный; он хочет есть и спать, а жена начинает плакать и причитывать: «Погубил ты нас, проклятый! Пропала моя головушка, пропали дети!» – «Ну, завyla!» – проворчит на печке солдат. Уже все позаснули, дети переплакали и тоже утомонились давно, а баба все не спит, думает и слушает, как ревет море; теперь уж ее мучает тоска: жалко мужа, обидно на себя, что не удержалась и попрекнула его. А на другой день опять та же история.

Если судить только по одному Дуэ, то сельскохозяйственная колония на Сахалине обременена излишком женщин и семейных каторжных. За недостатком места в избах, 27 семейств живут в старых, давно уже обреченных на снос постройках, в высшей степени грязных и безобразных, которые называются «казармами для семейных». Тут уже не комнаты, а камеры с нарами и парашами, как в тюрьме. По составу своему население этих камер отличается крайним разнообразием. В одной камере с выбитыми стеклами в окнах и с удушливым запахом отхожего места живут: каторжный и его жена свободного состояния; каторжный, жена свободного состояния и дочь; каторжный, жена-поселка и дочь; каторжный и его жена свободного состояния; поселенец-поляк и его сожительница-каторжная; все они со своим имуществом помещаются в одной камере и спят рядом на одной сплошной наре. В другой: каторжный, жена свободного состояния и сын; каторжная-татарка и ее дочь; каторжный-татарин, его жена свободного состояния и двое татарчат в ермолках; каторжный, жена свободного состояния и сын; поселенец, бывший на каторге 35 лет, но еще молодцеватый, с черными усами, за неимением сапог ходящий босиком, но страстный картежник³¹; рядом с ним на нарах его

³¹ Он говорил мне, что во время игры в штос у него «в жилах электричество»: от волнения руки сводит. Одно из самых приятных воспоминаний у него то, как он когда-то в дни молодости вытащил часы у самого полицеймейстера. Про игру в штос рассказывает он с азартом. Помню фразу – «ткнешь, не туда попало!» – проговорил он с отчаянием охотника, сделавшего

любовница-каторжная – вялое, сонное и жалкое на вид существо; далее каторжный, жена свободного состояния и трое детей; каторжный не семейный; каторжный, жена свободного состояния и двое детей; поселенец; каторжный, чистенький старичок с бритым лицом. Тут же по камере ходит поросенок и чавкает; на полу осклизлая грязь, воняет клопами и чем-то кислым; от клопов, говорят, житья нет. В третьей: каторжный, жена свободного состояния и двое детей; каторжный, жена свободного состояния и дочь; каторжный, жена свободного состояния и семеро детей: одна дочь 16, другая 15 лет; каторжный, жена свободного состояния и сын; каторжный, жена свободного состояния и сын; каторжный, жена свободного состояния и четверо детей. В четвертой: надзиратель унтер-офицер, его жена 18 лет и дочь; каторжный и его жена свободного состояния; поселенец; каторжный и т. д. По этим варварским помещениям и их обстановке, где девушки 15 и 16 лет вынуждены спать рядом с каторжниками, читатель может судить, каким неуважением и презрением окружены здесь женщины и дети, добровольно последовавшие на каторгу за своими мужьями и отцами, как здесь мало дорожат ими и как мало думают о сельскохозяйственной колонии.

Дуйская тюрьма меньше, старше и во много раз грязнее Александровской. Здесь тоже общие камеры и сплошные нары, но обстановка беднее и порядки хуже. Стены и полы одинаково грязны и до такой степени потемнели уже от времени и сырости, что едва ли станут чище, если их помыть. По данным медицинского отчета за 1889 г., на каждого арестанта приходится здесь воздуха 1,12 куб. саж. Если летом, при открытых окнах и дверях, пахнет помоями и отхожим местом, то, воображаю, какой ад бывает здесь зимою, когда внутри тюрьмы по утрам находят иней и сосульки. Смотрителем тюрьмы здесь бывший военный фельдшер из поляков, состоящий в чине канцелярского служителя. Кроме Дуйской, он заведует также еще Воеводскою тюрьмой, рудниками и постом Дуэ. Дистанция совсем не по чину. В дуйских карцерах содержатся тяжкие преступники, большею частью рецидивисты и подследственные. На вид это самые обыкновенные люди с добродушными и глуповатыми физиономиями, которые выражали только любопытство и желание ответить мне возможно почтительнее. И преступления у большинства из них не умнее и не хитрее их физиономий. Обыкновенно присылаются за убийство в драке лет на 5–10, потом бегут; их ловят, они опять бегут, и так, пока не попадут в бессрочные и неисправимые. Преступления почти у всех ужасно неинтересны, ординарны, по крайней мере со стороны внешней занимательности, и я нарочно привел выше *Рассказ Егора*, чтобы читатель мог судить о бесцветности и бедности содержания сотни рассказов, автобиографий и анекдотов, какие мне приходилось слышать от арестантов и людей, близких к каторге.

Впрочем, один седой старик лет 60–65, по фамилии Терехов, сидящий в темном карцере, произвел на меня впечатление настоящего злодея. Накануне моего приезда он был наказан плетью, и, когда у нас зашла речь об этом, показал мне свои ягодицы, сине-багровые от кровоподтеков. По рассказам арестантов, этот старик убил на своем веку 60 человек; у него будто бы такая манера: он высматривает арестантов-новичков, какие побогаче, и сманивает их бежать вместе, потом в тайге убивает их и грабит, а чтобы скрыть следы преступления, режет трупы на части и бросает в реку. В последний раз, когда его ловили, он отмахивался от надзирателей дубиной. Глядя на его мутные оловянные глаза и большой, наполовину бритый, угловатый, как булыжник, череп, я готов был верить всем этим рассказам. Один хохол, сидящий тоже в темном карцере, тронул меня своею откровенностью; он обратился с просьбой к смотрителю – возратить ему 195 рублей, отобранные у него при обыске. «А где ты взял эти деньги?» – спросил смотритель. – «Выиграл в карты», – ответил он и побожился, и, обращаясь ко мне, стал уверять, что в этом нет ничего удивительного, так как почти вся тюрьма играет в карты и между картежниками-арестантами не редкость такие, которые располагают суммами в

две и три тысячи рублей. В карцерах же я видел бродягу, который отрубил себе два пальца; рана повязана грязною тряпкой. У другого бродяги сквозная огнестрельная рана: пуля счастливо прошла по наружному краю седьмого ребра. Рана и у этого тоже перевязана грязной тряпкой³².

В Дуэ всегда тихо. К мерному звону кандалов, шуму морского прибоя и гудению телеграфных проволок скоро привыкает ухо, и от этих звуков впечатление мертвой тишины становится сильнее. Печать суровости лежит не на одних только полосатых столбах. Если бы на улице кто-нибудь невзначай засмеялся громко, то это прозвучало бы резко и неестественно. С самого основания Дуэ здешняя жизнь вылилась в форму, какую можно передать только в неумолимо-жесточких, безнадежных звуках, и свирепый холодный ветер, который в зимние ночи дует с моря в расщелину, только один поет именно то, что нужно. Бывает поэтому странно, когда среди тишины раздастся вдруг пение дуйского чудака Шкандыбы. Это каторжный, старик, который с первого же дня приезда своего на Сахалин отказался работать, и перед его непобедимым, чисто звериным упрямством спасовали все принудительные меры; его сажали в темную, несколько раз секли, но он стоически выдерживал наказание и после каждой экзекуции восклицал: «А все-таки я не буду работать!» Повозились с ним и в конце концов бросили. Теперь он гуляет по Дуэ и поет³³.

³² Я встречал немало раненых и страдающих язвами, но ни разу не слышал запаха йодоформа, хотя на Сахалине ежегодно расходуется его больше полупуда.

³³ У публики Дуэ пользуется преувеличенно дурною репутацией. На «Байкале» мне рассказывали, что один пассажир, человек уже пожилой и чиновный, когда пароход остановился на дуйском рейде, долго всматривался в берег и наконец спросил: – Скажите, пожалуйста, где же тут на берегу столб, на котором вешают каторжников и потом бросают их в воду? Дуэ – колыбель сахалинской каторги. Существует мнение, что мысль избрать это место для ссыльной колонии пришла впервые самим каторжным: будто бы некий Иван Лапшин, осужденный за отцеубийство и отбывавший каторгу в г. Николаевске, попросил у местных властей позволения переселиться на Сахалин и в сентябре 1858 г. был доставлен сюда. Поселившись недалеко от Дуйского поста, он стал заниматься огородничеством и хлебопашеством и, по словам г. Власова, отбывал тут каторжные уроки. Вероятно, он был доставлен на остров не один, так как в 1858 г. уголь близ Дуэ добывался уже при участии каторжных (см. «С Амура и (с) берегов Великого океана» в «Московских ведомостях», 1874 г., № 207). Вышеславцев в своих «Очерках пером и карандашом» пишет, что в апреле 1859 г. он застал в Дуэ около 40 человек и при них двух офицеров и одного инженерного офицера, заведующего работами. «Какие славные огороды, – восторгается он, – окружают их уютные, чистенькие домики! А овощи вызревают два раза в лето». Время возникновения настоящей сахалинской каторги относится к шестидесятым годам, когда неурядицы нашей депортационной системы достигли своего высшего напряжения. Время было таково, что начальник отделения департамента полиции исполнительной, коллежский советник Власов, пораженный всем, что он встретил на каторге, прямо заявил, что строй и система наших наказаний служат развитию важных уголовных преступлений и понижают гражданскую нравственность. Приблизительное исследование каторжных работ на месте привело его к убеждению, что их в России *почти не существует* (см. его «Краткий очерк неурядиц, существующих на каторге»). Главное управление, давая в своем десятилетнем отчете критический обзор каторги, замечает, что в описываемое время каторга перестала быть высшею карательною мерой. Да, то была высочайшая мера беспорядка, какой когда-либо создавали невежество, равнодушие и жестокость. Вот главные причины бывших неурядиц: а) Ни составители законов о ссыльных, ни исполнители их не имели ясного представления о том, что такое каторга, в чем она должна заключаться, для чего она нужна. И практика, несмотря на свою продолжительность, не дала не только системы, но даже материала для юридического определения каторги. б) Исправительные и уголовные цели наказания приносились в жертву разного рода экономическим и финансовым соображениям. На каторжного смотрели как на рабочую силу, которая должна была приносить доход государственному казначейству. Если его труд не давал выгоды или шел в убыток, то предпочитали держать его в тюрьме без всякого дела. Убыточному безделью отдавалось предпочтение перед убыточной работой. Приходилось также считаться еще с колонизационными целями. в) Незнакомство с местными условиями и потому отсутствие определенного взгляда на характер и сущность работ, что видно хотя бы из недавно упраздненного деления на работы в рудниках, заводах и крепостях. На практике бессрочный, приговоренный к работам в рудниках, сидел без дела в тюрьме, приговоренный к четырехлетней каторге на заводах работал в руднике, а в тобольской каторжной тюрьме арестанты занимались переноскою с одного места на другое ядер, пересыпкой песка и т. п. В обществе и отчасти в литературе установился взгляд, что настоящая, самая тяжкая и самая позорная каторга может быть только в рудниках. Если бы в «Русской женщине» Некрасова герой, вместо того чтобы работать в руднике, ловил для тюрьмы рыбу или рубил лес, то многие читатели остались бы неудовлетворенными. г) Отсталость нашего устава о ссыльных. На очень многие вопросы, ежедневно возбуждаемые практикой, он совсем не дает ответа, отсюда широкое поле для произвольных толкований и незаконных действий; в самых затруднительных положениях он является часто совершенно бесполезною книгой, и отчасти поэтому, вероятно, г. Власов в некоторых управлениях при каторжных тюрьмах совсем не нашел устава. д) Отсутствие единства в управлении каторгой. е) Отдаленность каторжных работ от Петербурга и полное отсутствие гласности. Официальные отчеты стали печататься только недавно, со времени учреждения главного тюремного управления. г) Немалую помехой к упорядочению ссылки и каторги служило также настроение нашего общества. Когда у общества нет определенных взглядов на что-нибудь, то приходится считаться с его настроением. Общество всегда возмущалось тюремными порядками и в

Добыча каменного угля, как я уже сказал, производится в версте от поста. Я был в руднике, меня водили по мрачным, сырым коридорам и предупредительно знакомили с постановкой дела, но очень трудно описать все это, не будучи специалистом. Я воздержусь от технических подробностей, и тот, кто интересуется ими, пусть прочтет специальное сочинение горного инженера г. Кеппена, когда-то заведовавшего здешними копиями³⁴.

В настоящее время дуйские копи находятся в исключительном пользовании частного общества «Сахалин», представители которого живут в Петербурге. По контракту, заключенному в 1875 г. на 24 года, общество пользуется участком на западном берегу Сахалина на две версты вдоль берега и на одну версту в глубь острова; ему предоставляются бесплатно свободные удобные места для склада угля в Приморской области и прилегающих к ней островах; нужный для построек и работ строительный материал общество получает также бесплатно; ввоз всех предметов, необходимых для технических и хозяйственных работ и устройства рудников, предоставляется беспошлинно; за каждый пуд угля, покупаемый морским ведомством, общество получает от 15 до 30 коп.; ежедневно в распоряжение общества командировается для работ не менее 400 каторжных; если же на работы будет выслано меньше этого числа, то за каждого недостающего рабочего казна платит обществу штрафа один рубль в день; нужное обществу число людей может быть отпускаемо и на ночь.

Чтоб исполнять принятые на себя обязательства и охранять интересы общества, казна содержит около рудников две тюрьмы, Дуйскую и Воеводскую, и военную команду в 340 человек, что ежегодно обходится ей в 150 тысяч рублей. Стало быть, если, как говорят, представителей общества, живущих в Петербурге, только пять, то охранение доходов каждого из них обходится ежегодно казне в 30 тысяч, не говоря уже о том, что из-за этих доходов приходится, вопреки задачам сельскохозяйственной колонии и точно в насмешку над гигиеной, держать более 700 каторжных, их семьи, солдат и служащих в таких ужасных ямах, как Воеводская и Дуйская пади, и не говоря уже о том, что, отдавая каторжных в услужение частному обществу за деньги, администрация исправительные цели наказания приносит в жертву промышленным соображениям, то есть повторяет старую ошибку, которую сама же осудила.

На все это общество, с своей стороны, отвечает тремя серьезными обязательствами: оно должно вести разработку дуйских копей правильно и держать в Дуэ горного инженера, который наблюдал бы за правильностью разработки; аккуратно два раза в год вносить арендную

то же время всякий шаг к улучшению быта арестантов встречало протестом, вроде, например, такого замечания: «Нехорошо, если мужик в тюрьме или на каторге будет жить лучше, чем дома». Если мужик часто живет дома хуже, чем на каторге, то по логике такого замечания каторга должна быть адом. Когда арестантам давали в вагонах вместо воды квас, то это называлось «нянчиться с убийцами и поджигателями» и т. п. Впрочем, как бы в противовес такому настроению, у лучших русских писателей замечалось стремление к идеализации каторжных, бродяг и беглых. В 1868 г. был высочайше утвержден комитет, имевший целью изыскать и указать меры для организации каторжных работ на более правильных началах. Комитет признал, что необходимо «высылать тяжких преступников в отдаленную колонию для употребления там в принудительные работы с преимущественною целью водворения в месте ссылки». И, выбирая между отдаленными колониями, комитет остановился на Сахалине. А priori он признал за Сахалином следующие достоинства: 1) географическое положение, обеспечивающее материк от побегов; 2) наказание получает надлежащую репрессивную силу, так как ссылка на Сахалин может быть признана безвозвратною; 3) простор для деятельности преступника, решившего начать новую, трудовую жизнь; 4) с точки зрения государственной пользы, сосредоточение ссыльных на Сахалине представляется залогом для упрочения обладания нашего островом; 5) угольные залежи могут быть с выгодой эксплуатируемы ввиду громадной потребности в угле. Предполагалось также, что сосредоточение на острове всего контингента ссыльнокаторжных сократит расходы на содержание их.

³⁴ «Остров Сахалин, его каменноугольные месторождения и развивающаяся на нем каменноугольная промышленность», 1875 г. Об угле, кроме г. Кеппена, писали еще горные инженеры: Носов И. Заметки об острове Сахалине и каменноугольных ломках, на нем производимых. — «Горный журнал», 859 г., № 1. И. Лопатин. Извлечение из письма. Приложение к отчету Сибирского отдела имп. Рус(ского) географ. общества за 1868 г. Его же. Рапорт к генерал-губернатору Восточной Сибири. — «Горный журнал», 1870 г. № 10. Дейхман. Остров Сахалин в горнопромышленном отношении. — «Горный журнал», 1871 г., № 3. К. Скальковский. Русская торговля в Тихом океане. 1883 г. О качествах сахалинского угля писали в разное время командиры судов сибирской флотилии в своих рапортах, которые печатались в «Морском сборнике». Для полноты, пожалуй, можно упомянуть еще о статьях Я. Н. Бутковского: «Остров Сахалин» — «Исторический вестник», 1882 г., X, и «Сахалин и его значение» — «Морской сборник», 1874 г., № 4.

плату за уголь и плату за труд каторжных; при разработке копей пользоваться исключительно трудом каторжных по всем видам работ, соединенных с этим предприятием. Все эти три обязательства существуют только на бумаге и, по-видимому, давно уже забыты. Разработка копей ведется недобросовестно, на кулаческих началах. «Никаких улучшений в технике производства или изысканий для обеспечения ему прочной будущности не предпринималось, – читаем в докладной записке одного официального лица, – работы, в смысле их хозяйственной постановки, имели все признаки хищничества, о чем свидетельствует и последний отчет окружного инженера». Горного инженера, которого общество обязано иметь по контракту, нет, и копиями заведует простой штейгер. Что касается платежей, то и тут приходится говорить только о том, что в своем докладе только что упомянутое официальное лицо именует «признаками хищничества». И копиями, и трудом каторжных общество пользуется бесплатно. Оно обязано платить, но почему-то не платит; представители другой стороны, ввиду такого явного правонарушения, давно уже обязаны употребить власть, но почему-то медлят и, мало того, продолжают еще расходовать 150 тысяч в год на охрану доходов общества, и обе стороны ведут себя так, что трудно сказать, когда будет конец этим ненормальным отношениям. Общество засело на Сахалине так же крепко, как Фома в селе Степанчикове, и неумолимо оно, как Фома. К 1 января 1890 г. оно состояло должным казне 194 337 р. 15 к.; десятая же часть этих денег по закону приходится на долю каторжных как вознаграждение за труд. Когда и как рассчитываются с дуйскими каторжниками, кто им платит и получают ли они что-нибудь, мне неизвестно.

Ежедневно назначается на работы 350–400 каторжных, остальные 350–400 из живущих в Дуйской и Воеводской тюрьмах составляют резерв. Без резерва же не обойтись, так как в контракте оговорены на каждый день «способные к труду» каторжные. Назначенные на работы в руднике в пятом часу утра, на так называемой раскомандировке, поступают в ведение рудничной администрации, то есть небольшой группы частных лиц, составляющих «контору». От усмотрения этой последней зависит назначение на работы, количество и степень напряжения труда на каждый день и для каждого отдельного каторжного; от нее, по самой постановке дела, зависит наблюдать за тем, чтобы арестанты несли наказание равномерно; тюремная же администрация оставляет за собою только надзор за поведением и предупреждение побегов, в остальном же, по необходимости, умывает руки.

Имеются два рудника: старый и новый. Каторжные работают в новом; тут вышина угольного пласта около 2 аршин, ширина коридоров такая же; расстояние от выхода до места, где теперь происходит разработка, равняется 150 саж. Рабочий с санками, которые весят пуд, взбирается ползком вверх темным и сырым коридором: это самая тяжелая часть работы; потом, нагрузив сани углем, возвращается назад. У выхода уголь нагружается в вагонетки и по рельсам доставляется в склады. Каждый каторжный должен подняться вверх с санками не менее 13 раз в день – в этом заключается урок. В 1889–90 г. каждый каторжный добывал, в среднем, 10,8 п. в день, на 4,2 пуда менее нормы, установленной рудничною администрацией. В общем производительность рудника и рудничных каторжных работ невелика: она колеблется между 1½ и 3 тыс. пудов в день.

В дуйских копиях работают также поселенцы по вольному найму. Поставлены они в более тяжелые условия, чем каторжные. В старом руднике, где они работают, пласт не выше аршина, место разработки находится в 230 саж. от выхода, верхний слой пласта дает сильную течь, отчего работать приходится в постоянной сырости; живут они на собственном продовольствии, в помещении, которое во много раз хуже тюрьмы. Но, несмотря на все это, труд их гораздо производительнее каторжного – на 70 и даже 100 %. Таковы преимущества вольнонаемного труда перед принудительным. Наемные рабочие выгоднее для общества, чем те, которых оно обязано иметь по контракту, и потому, если, как здесь принято, каторжный нанимает вместо себя поселенца или другого каторжного, то рудничная администрация охотно мирится с этим беспорядком. Третье обязательство давно уже трещит по швам. С самого основания Дуэ ведется,

что бедняки и простоватые работают за себя и за других, а шулера и ростовщики в это время пьют чай, играют в карты или без дела бродят по пристани, позвякивая кандалами, и беседуют с подкупленным надзирателем. На этой почве здесь постоянно разыгрываются возмутительные истории. Так, за неделю до моего приезда один богатый арестант, бывший петербургский купец, присланный сюда за поджог, был высечен розгами будто бы за нежелание работать. Это человек глуповатый, не умеющий прятать деньги, неумеренно подкупавший, наконец утомился давать то надзирателю 5, то палачу 3 рубля и как-то в недобрый час наотрез отказал обоим. Надзиратель пожаловался смотрителю, что вот-де такой-то не хочет работать, этот приказал дать 30 розог, и палач, разумеется, постарался. Купец, когда его секли, кричал: «Меня еще никогда не секли!» После экзекуции он смирился, заплатил надзирателю и палачу и как ни в чем не бывало продолжает нанимать вместо себя поселенца.

Исключительная тяжесть рудничных работ заключается не в том, что приходится работать под землей в темных и сырых коридорах, то ползком, то согнувшись; строительные и дорожные работы под дождем и на ветре требуют от работника большего напряжения физических сил. И кто знаком с постановкой дела в наших донецких шахтах, тому дуйский рудник не покажется страшным. Вся исключительная тяжесть не в самом труде, а в обстановке, в тупости и недобросовестности всяких мелких чинов, когда на каждом шагу приходится терпеть от наглости, несправедливости и произвола. Богатые чай пьют, а бедняки работают, надзиратели у всех на глазах обманывают свое начальство, неизбежные столкновения рудничной и тюремной администраций вносят в жизнь массу дразг, сплетней и всяких мелких беспорядков, которые ложатся своею тяжестью прежде всего на людей подневольных, по пословице: паны дерутся – у хлопцев чубы болят. А между тем каторжник, как бы глубоко он ни был испорчен и несправедлив, любит всего больше справедливость, и если ее нет в людях, поставленных выше его, то он из года в год впадает в озлобление, в крайнее неверие. Сколько благодаря этому на каторге пессимистов, угрюмых сатириков, которые с серьезными, злыми лицами толкуют без умолку о людях, о начальстве, о лучшей жизни, а тюрьма слушает и хохочет, потому что в самом деле выходит смешно. Работа в дуйских рудниках тяжела также потому, что каторжник здесь в продолжение многих лет без перерыва видит только рудник, дорогу до тюрьмы и море. Вся жизнь его как бы ушла в эту узкую береговую отмель между глинистым берегом и морем.

Около рудничной конторы стоит барак для поселенцев, работающих в копиях, небольшой старый сарай, кое-как приспособленный для ночевки. Я был тут в 5 часов утра, когда поселенцы только что встали. Какая вонь, темнота, давка! Головы разлохмаченные, точно всю ночь у этих людей происходила драка, лица желто-серые и, спросонья, выражения, как у больных или сумасшедших. Видно, что они спали в одежде и в сапогах, тесно прижавшись друг к другу, кто на наре, а кто и под нарой, прямо на грязном земляном полу. По словам врача, ходившего со мной в это утро, здесь 1 куб. саж. воздуха приходится на 3-4 человека. Между тем это было как раз то время, когда на Сахалине ожидали холеру и для судов был назначен карантин.

В это же утро я был в Воеводской тюрьме. Она была построена в семидесятых годах, и для образования площади, на которой она теперь стоит, пришлось срывать гористый берег на пространстве 480 кв. саж. В настоящее время из всех сахалинских тюрем это самая безобразная, которая уцелела от реформ вполне, так что может служить точною иллюстрацией к описаниям старых порядков и старых тюрем, возбуждавших когда-то в очевидцах омерзение и ужас. Воеводская тюрьма состоит из трех главных корпусов и одного малого, в котором помещаются карцеры. Конечно, о кубическом содержании воздуха или вентилиациях говорить не приходится. Когда я входил в тюрьму, там кончали мыть полы, и влажный, промозглый воздух еще не успел разредиться после ночи и был тяжел. Полы были мокры и неприятны на вид. Первое, что я услышал здесь, – это жалобы на клопов. От клопов житья нет. Прежде их изводили хлорною известью, вымораживали во время сильных морозов, но теперь и это не помогает.

В помещениях, где живут надзиратели, тоже тяжкий запах отхожего места и кислоты, тоже жалобы на клопов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.